УДК 947(470.22) + 929.52.09
ББК [63.3(2)43+44] + 63.214
DOI 10.25797/NG.2020.6.2.007

В. И. Таланин

ГЕНЕАЛОГИЯ НОВГОРОДСКИХ НЕРЕВСКИХ БОЯР: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Аннотация. Уточнена генеалогия староновгородских бояр Секириных и показано, что новые помещики Секирины происходили из бояр Секириных. Уточнена генеалогия потомков последнего Корельского кормленщика Лукьяна Леонтьевича. Впервые построена общая генеалогия Кречатниковых, Сверчиных, Веряжских, Сочевицыных, Чашниковых. Показано, что все эти фамилии происходят от староновгородского неревского боярина Андреяна Михайловича. Показано, что помещики Деревской пятины Кречатниковы происходят из этого же рода.

Ключевые слова. Новгородские бояре, своеземцы, генеалогия.

1. Введение

Любой исследователь в области средневековой генеалогии вообще и в области генеалогии староновгородского боярства, в частности, хорошо осознает, что, несмотря на все полученные к настоящему времени результаты, эти темы не могут считаться полностью изученными. Иногда ситуацию может изменить появление нового документа или иное прочтение старого документа. Последнее наиболее актуально для генеалогии староновгородского боярства, поскольку применительно к этому предмету исследования новыми документами, вводимыми в оборот, являются только берестяные грамоты, но собственно генеалогической информации в них содержится не так много.

Как известно, в настоящее время основными трудами по генеалогии староновгородского боярства являются работы В. Л. Янина (1929–2020) 1970–80-х годов. И хотя со времени выхода этих работ иные авторы смогли несколько скорректировать результаты В. Л. Янина, тем не менее, его работы всегда останутся такими, от которых должен отталкиваться в своих изысканиях любой автор.

В своих изысканиях я также отталкивался от работ В. Л. Янина. Мною двигало желание сделать то, что не доделал он, а именно проследить потомков староновгородского боярства после боярского вывода в Центральной России. Основным моим результатом явилось существенное дополнение родословной схемы боярского рода из Неревского конца Великого Новгорода применительно к XIII–XV вв.[1]

[1] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия X–XVI вв. и ее потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

Попутно было выяснено происхождение неревского боярства с конца X в., а также определен ряд его реальных потомков с XVI в. и до наших дней. Разумеется, построенную мной генеалогию неревского боярства нельзя было считать полной. В писцовых книгах рубежа XV/XVI вв. было немало упоминаний об изъятых у прежних владельцев земельных владений, причем эти владельцы нередко именовались «старыми боярами», а их владения — «боярщинами». Очень важно, что применительно к некоторым таким «старым боярам» указывалась их уличанская принадлежность в Великом Новгороде. Меня, как исследователя именно неревского боярства, потомком которого я являюсь, в первую очередь интересовали упоминания тех улиц, которые относились к Неревскому концу. Исходя из того, что каждый новгородский конец был местом обитания одного и того же боярского клана на протяжении всех веков новгородской домосковской истории, этих «старых бояр» из писцовых книг следовало причислять к неревскому боярскому роду.

В частности, особое мое внимание привлекла фамилия таких «старых бояр», как Кречатниковы, тем более, что один из них был совладельцем имений в Водской пятине с Лукьяном Леонтьевичем, последним Корельским кормленщиком[2]. Выявление всех упоминаний о землевладельцах с этой фамилией показало, что они нередко совладели одним и теми же имениями с иными фамилиями землевладельцев, причем одних и тех же: Веряжских, Сверчиных, Сочевицыных, Буйносовых. Вслед за А. А. Селиным можно с полным правом полагать, что факт совладения одними и теми же землями одних и тех же фамилий говорит о том, что эти фамилии состояли между собой в близком родстве[3]. В таком случае выяснение родового происхождения Кречатниковых повлекло бы за собой выяснение родового происхождения еще ряда фамилий «старых бояр» рубежа XV–XVI вв. А. А. Селин, однако, полагал, что все указанные фамилии не обладали боярским статусом, принадлежа к сословной категории житьих[4]. Но коль скоро из этих пяти фамилий две — Кречатниковы и Буйносовы — в писцовых книгах прямо именуются «боярами», это уже не дает возможности согласиться с этим мнением А. А. Селина. Житьи не принадлежали к новгородскому боярству, тогда как любой потомок боярина был боярином[5].

Таким образом, всё вышеизложенное, с учетом того факта, что, помимо работ А. А. Селина, указанные фамилии новгородских «старых бояр» в историографии никогда не обсуждались, заставило меня поставить целью настоящей статьи попытку выяснения родового происхождения этих фамилий.

[2] Там же. С. 34, 37–38.

[3] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9(19). С. 331.

[4] Там же. С. 332–333.

[5] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 426. Так же моя недавняя статья подкрепляет этот вывод на ряде конкретных примеров (*Таланин В. И.* «Ижорские бояре»: к вопросу об интерпретации // Novogardia. 2020. № 1.)

2. Родословие Кречатниковых (Сверчиных, Веряжских, Сочевицыных, Чашниковых)

Исходными данными для генеалогического исследования являются материалы писцовых описаний Новгородской земли рубежа XV/XVI вв. Этих материалов немного, и по этой причине их следует привести здесь целиком.

В Водской пятине, Егорьевском Лужском погосте было изъято совладение Антона Кузьмича Кречатникова и Кузьмы Ивановича Черньцова; после изъятия часть владений была забрана в казну, а часть — отдана совместно Кузьмодемьянской церкви с Кузьмодемьянской улицы Великого Новгорода и Николо-Вяжищскому монастырю[6].

В Водской пятине, Дмитриевском Гдицком погосте было изъято совладение Василия Кузьмича Кречатникова с Николо-Вяжищским монастырем[7].

В Водской пятине, Климентовском Тёсовском погосте было изъято владение Антона Кузьмича Кречатникова, причем в д. Красилово некогда жил сам боярин[8]. В этом же погосте было изъято совладение братьев Федора и Алексея Яковлевичей Кречатниковых с Иваном Дмитриевичем Князцовым: все они были названы «старыми боярами»[9]. В этом же погосте были оставлены своеземцами:

1) Совладельцы Филипп Фомин Сверчин + Андрей Матвеев Сочевицын (отдельные части большого своеземческого владения принадлежали также своеземцам Григорию Кузьмину Кречатникову, Петру Есипову (без фамильного прозвища), Игнату Митрофанову Буйносову, Андрею Сочевицыну и К. И. Черньцову)[10]. В этом владении наличествовал тот населенный пункт, который дал фамильное прозвище Сверчиным: д. Сверчино принадлежала на одну треть казне, а оставшиеся трети — Филиппу Сверчину и Григорию Кречатникову; в этой деревне жили оба своеземца — Сверчин и Кречатников. В этом же владении наличествовала д. Коречниково, принадлежавшая на одну пятую часть казне, а остальные части принадлежали всем указанным своеземцам; особо указывалось, что «*в Коречне обжы Ондрейку* (Сочевицыну — *В. Т.*) *дал в приданые Терех Перфуров*»[11].

2) Мина Кузьмин Кречатников (д. Гривско)[12].

3) Совладельцы «*Кузма Кузмин сын Иванова Косина*» + Семен Есипов + Павел Савельев + 1 часть дворцовая. В этом владении в д. Волкино был сам Кузьма Кречатников[13].

4) Совладельцы Матвей Иванов Кречатников + Андрей Иванов Веряжский + Алексей Прокопов Веряжский + Тимофей, Федор, Мина Матвеевы Веряжские + Дмитрий Перфуров Веряжский + Гаврила и Мина Кузмины Кречатниковы. Всем этим своеземцам принадлежала д. Веряжкино, т.е. тот населенный пункт, который дал фамильное прозвище Веряжским: в этой деревне

[6] Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. 3. С. 35–43. Далее — ПОКВП.

[7] ПОКВП. С. 61–62.

[8] Там же. С. 72.

[9] Там же. С. 72–73.

[10] Там же. С. 75–76.

[11] Там же. С. 76.

[12] Там же. С. 77.

[13] Там же.

жили все указанные своеземцы; указано, что у Матвея Кречатникова есть обжи в Ижерском погосте Ореховского уезда[14].

5) Отдельное владение Тимофея Матвеева Веряжского в совладении с казной и своеземцем Иваном Пантелеевым (д. в Куболе)[15].

В Водской пятине, Спасском на Оредежи погосте были изъяты: 1) совладение Федора и Степана Михайловичей Буйносовых с Иваном Пантелеевым[16]; 2) совладение 10 хозяев сразу, в числе которых был Еремей Иванович Кречатников[17]; владения всех названы «боярщинками»; 3) владения Федора и Алексея Яковлевичей Кречатниковых (дд. Пчелно и Буино)[18]; 4) совладение Антона и Василия Кузьмичей Кречатниковых и Павла Савельева; владения всех названы «боярщинами»[19]; 5) совладение Федора и Степана Буйносовых еще с двумя владельцами; владения всех названы «боярщинками»[20]. В этом же погосте был оставлен своеземцем Ерема Ивашков Кречатников[21], который, очевидно, соответствует вышеуказанному «старому боярину» Еремею Кречатникову.

В Водской пятине, Дмитриевском Городенском погосте было изъято владение Федора и Алексея Яковлевичей Кречатниковых (д. Коломничи), которое было в совладении с Новгородским архиепископом[22]; владение названо «боярщиной».

В Водской пятине, Никольском Будковском погосте было изъято владение Василия Кузмича Кречатникова «*с Кузмадемьяны улици*»; названо «боярщиной»[23]. В этом же погосте было изъято совладение, чьим совладельцем был Антон Кузьмич Кречатников; названо «боярщиной»[24]. В этом же погосте было изъято совладение Федора и Степана Михайловичей Буйносовых с несколькими хозяевами (с. Будково, центр погоста); все прежние владельцы названы «старыми боярами»[25].

В этом же погосте были оставлены своеземцами: Игната и Василия Митрофановых Буйносовых (часть с. Будково); Афанасия Кузмина Буйносова (часть с. Будково); Григория и Василия Есиповых Буйносовых (часть д. Козодоевичи)[26].

В Водской пятине, Ильинском Тигодском погосте было изъято совладение Ивана и Василия Филипповичей + Григория Кузмича Кречатникова; Филипповичам принадлежал центр погоста Тигода, у Кречатникова были д. Глубокое «*у Тосны в верховье*», д. Озерца, д. Красноходца; оба владения названы «боярщинами»[27].

В Водской пятине, Ивановском Куйвошском погосте была изъята «*волостка на Влозе*» Петра Сенкина Кречатникова (д. на Влоге Крашгу, д. на

[14] Там же. С. 78.
[15] Там же
[16] Там же. С. 84–85.
[17] Там же. С. 86.
[18] Там же. С. 87–88.
[19] Там же. С. 90–91.
[20] Там же. С. 95–98.
[21] Там же. С. 103–105.
[22] Там же. С. 221.
[23] Там же. С. 289.
[24] Там же. С. 297.
[25] Там же. С. 299, 300.
[26] Там же. С. 353–354, 356.
[27] Там же. С. 395–399.

Влоге ж, д. Малое Село); названо «боярщиной»[28].

В Водской пятине, Никольском Ижорском погосте были изъяты: 1) совладение, в числе владельцев которого был Петр Есипович Кречатников[29]; названо «боярщиной»; 2) совладение, в числе которых были Григорий, Сенка, Петр Есиповичи Кречатниковы + Еска Кривой «*с Щорковы улици*»[30]; владения названы «боярщинами». В этом же погосте своеземцами оставлены: 1) Филипп и Максим Фомины дети Сверчина Кречатникова (д. «*на устье Тосенского ручья*», д. «*на речке на Еглине*», д. «*верховье Тосной*» (все 3 деревни ранее были во владении «старых бояр» братьев Есиповичей), часть д. «*в верховье Тосной на Зеленом ручью*» (была Ески Кривого)[31]; 2) Еремей, Алексей, Григорий, Михаил Ивановы Кречатниковы (д. Остров, д. Остров же, д. Суланда)[32]; 3) Гаврила Кузмин Кречатников (д. Каменка на речке на Касте)[33]; 4) Матвей Иванов Кречатников (часть д. «*на устье Лустовой*»)[34]; 5) Кузма Кузмин сын Кречатникова Косина (д. Остров над Оредежским мхом, д. Остров «*на тем же мхом*»)[35]; 6) Игнат Митрофанов Буйносов (д. Меккула на р. Тосне, д. на Сутоке на р. Тосне)[36]; Андрей Матвеев Сочевицын (д. Злыденной ручей на Еглине)[37].

В Водской пятине, Васильевском Ровдужском погосте было изъято совладение Луки Леонтьевича (последнего Корельского кормленщика) + Петра Есиповича Кречатникова; владения названы «боярщинами»[38].

Итак, подытоживая извлеченные из писцовых материалов данные, можно видеть существование сразу четырех семейных групп Кречатниковых — «Кузьмичей», «Есиповичей», «Яковлевичей», «Ивановичей». К «Кузьмичам» относятся: сведенный боярин Антон Кузьмич Кречатников, сведенный боярин Василий Кузьмич Кречатников, а также 4 своеземца — Григорий, Мина, Гавриил, Кузьма Кузьмины Кречатниковы. Весьма характерно, что для Василия Кузьмича указывается его уличанская новгородская принадлежность: Кузьмодемьянская улица. Поскольку владения Антона и Василия Кузьмичей почти всегда были в совладении, следует полагать, что и боярин Антон имел прямое отношение к этой улице. Поскольку в своих работах В. Л. Янин впервые показал никем до сих пор не оспоренный факт, что каждая боярская семья имела свою, четко очерченную уличанской принадлежностью новгородскую локацию, всех братьев Кузьмичей нужно относить к Кузьмодемьянской улице. Самым старшим среди Кузьмичей надо видеть Кузьму Кузьмича, ибо толь-

[28] Переписная окладная книга по Новугороду Водской пятины 1500 года. Вторая половина // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 11. С. 175–176. Далее — ПОКНВП.

[29] ПОКНВП. С. 391–393.

[30] Там же. С. 405–409.

[31] Там же. С. 427.

[32] Там же. С. 428.

[33] Там же. С. 429–430.

[34] Там же. С. 429, 430.

[35] Там же. С. 430.

[36] Там же. С. 430–431.

[37] Там же. С. 431.

[38] Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. С. 90–91, 100–101. Далее — ПОКВПК.

ко в его имени осталось фамильное прозвание отца — «Косин». Затем — Антона и Василия, как одних, названных «старыми боярами». Затем — Мину и Гавриила, поскольку только Мина из всех своеземцев имел в одном случае отдельное владение без совладельцев, а в другом случае из всех его братьев только Гавриил был его совладельцем. Самым младшим, очевидно, был Григорий, что видно хотя бы из того, что ему принадлежала лишь седьмая часть от общего с родственниками своеземческого владения, и никаких иных его владений не было зафиксировано.

Среди Кузьмичей особо выделяется фигура Кузьмы, который был дважды зафиксирован писцовыми описаниями в виде: «*Кузма Кузмин сын Иванова Косина*» и «*Кузма Кузмин сын Кречатникова Косина*». Согласно правилам фамилеобразования, полное имя отца этого человека (Иванова Косина = Кречатникова Косина) выглядит в виде: Кузьма Иванович Косин Кречатников. В таком случае этого человека следует полагать уже умершим к моменту писцового описания, поскольку его материалы Кузьму Ивановича не фиксируют. Кроме того, целиком резонно видеть его в качестве отца всех братьев Кузьмичей.

Реконструированный «старый боярин» Кузьма Иванович Косин Кречатников явно принадлежит к следующей семейной группе Кречатниковых — к группе «Ивановичей». К ним, помимо него, относится сведенный боярин Еремей Иванович Кречатников, который был оставлен своеземцем в виде Еремы Ивашкова Кречатникова. Также к этой группе относятся еще 4 своеземца: Матвей, Алексей, Григорий и Михаил Ивановы Кречатниковы. Все они, как явствует из вышеприведенных данных, являлись родными братьями. Их очередность в порядке старшинства, думается, ясна: Еремей должен стоять на первом месте, поскольку только он был назван «старым боярином», далее — Матвей, как единственный из прочих братьев, имевший в качестве своеземца отдельное от них владение, а затем — Алексей, Григорий и Михаил, ибо именно в такой последовательности они указаны писцом. Самым же старшим из них должен был быть реконструированный Кузьма Иванович Косин, как умерший до писцового описания.

Самой малой группой являлись «Яковлевичи», состоявшие лишь из двух сведенных «старых бояр»: Федора и Алексея, старшим из которых был Федор, указываемый всегда на первом месте относительно брата. Важно, что для Яковлевичей также была указана их уличанская принадлежность: Кузьмодемьянская улица.

Последней группой были «Есиповичи». Их старшее поколение представлено в писцовых материалах сведенными «старыми боярами» Петром, Григорием и Сенкой Есиповичами. Их них старшим следует видеть Петра, как имевшего владения отдельно от братьев, включая совладение с последним Корельским кормленщиком. Затем — Григория и Сенку, ибо именно в такой последовательности они указаны в материалах. Сведенный «старый боярин» Петр Сенкин Кречатников явно был сыном Сенки Есиповича. Думается, что в группе «Есиповичей», как и в группе «Кузьмичей» и «Ивановичей», представители старшего поколения тоже остались не сведенными в качестве сво-

еземцев. Боярина Сенку Есиповича следует, как видится, усматривать в фигуре своеземца Семена Есипова, совладельца имения вместе с Кузьмой Кузьминым Косиным Кречатниковым. Боярина Петра Есиповича следует, как видится, усматривать в фигуре своеземца Петра Есипова, одного из 7 совладельцев имения в Тёсовском погосте. Эти отождествления следует, как думается, делать на том основании, что подавляющее большинство совладельцев имений, как в домосковское время, так и в виде своеземцев, должны были быть близкими родственниками, как сказано выше. Отсюда, если среди таковых родственников встречаются имена-отчества, полностью идентичные для «старых бояр» и своеземцев, этих людей можно отождествлять с очень высокой степенью вероятности.

В связи с последним, следует обратить внимание на то, что Федор и Алексей Яковлевичи были совладельцами боярского имения в Тёсовском погосте с Иваном Дмитриевичем Князцовым, как указано выше. В соседнем Гдицком погосте была изъята «боярщина», совладельцами которой были Даниил и Кузьма Федоровичи «*с Кузмадемьяньские улици*» + братья Шепелёвы + И. Д. Князцов[39]. Сведенные «старые бояре» братья Федоровичи с высокой степенью вероятности могут быть детьми Федора Яковлевича Кречатникова. Их объединяет как общая уличанская принадлежность, так и совладение отца и сыновей с одним и тем дополнительным боярином — Князцовым (вероятно, родственником по женской линии).

Возвращаясь к группе «Есиповичей», следует указать на тот факт, что писцовые материалы позволяют выявить отца братьев Есиповичей. Вне всякого сомнения, им был боярин Еска Кривой «*с Щорковы улици*». Подобное отождествление можно сделать не только на том основании, что эта улица находилась тоже в Неревском конце. Как показано С. Н. Валком и А. И. Копаневым, имена «Осип», «Есип», «Есиф» и «Еска», применительно к Великому Новгороду, были тождественными и взаимозаменяемыми[40]. Весьма важно отметить, что сохранились дополнительные данные о боярине Еске Кривом, каковые данные позволяют понять, почему центральные власти были столь милостивыми к Кречатниковым, позволив многим «старым боярам» остаться своеземцами в Водской пятине.

В Деревской пятине, во Влажинском[41] и Коломенском[42] погостах, а также в Бежецкой пятине, в Никольском погосте на Вышнем Волочке[43] до 1495 г. несколько обширных волостей, принадлежавших Матрене, жене Есипа Кривого, были отданы в приданое за их дочерью, вышедшей замуж за Ивана Андреевича Колычева. Как известно, московские бояре Колычевы происходили от Андрея Кобылы, т.е. были родственниками будущей династии Романовых. Окольничий

[39] ПОКВП. С. 56–59.

[40] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С. Н. Валк. М.-Л., 1949. С. 355, 365. Далее — ГВНП.

[41] Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г. Первая половина // Новгородские писцовые книги (далее — ПОКДП-1). СПб., 1859. Т. 1. С. 73–736. См. также: Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. С. 163, 422.

[42] ПОКДП-1. С. 736–737.

[43] Книги Бежецкой пятины1501, 1545, 1551, 1564 гг. // Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6. С. 45–51. (Далее — КБП)

(1512) И. А. Колычев-Черной (ум. 1515 или 1519) был записан в боярские разряды с 1501 г., а его сын — Никита Немятый (ум. 1535) — основал родовую ветвь Колычевых-Немятых. В 1545 г. в Бежецкой пятине в бывшей вотчине Есипа Кривого была вдова Никиты — Мария и их дети: Юрий, Иван и Афанасий Никитичи Колычевы-Немятые[44]. По всей видимости, Есип-Еска Кривой отдал за дочерью почти все свои владения, кроме тех, которые оставил за собой и всеми своими сыновьями, а также тех, которые уже были выделены старшему сыну Петру. Безусловно, это было сделано боярином с целью сохранения своих родовых владений. И, действительно, несмотря на то, что сам он и все его сыновья были сведены, тем не менее двое из сыновей остались своеземцами, а основное ядро родовой вотчины, отданное за дочерью, без изменений принадлежало Колычевым-Немятым до 1580-х гг.[45] Можно определить время, когда дочь боярина Есипа-Ески Кривого стала супругой И. А. Колычева-Черного. Как известно, в 1476–1484 гг. в Новгородской земле поместья раздавались безземельным московским детям боярским, а также бывшим дворцовым слугам и бывшим слугам староновгородских бояр; в 1484–1489 гг. поместья и жалованные вотчины давали первостатейным московским боярам и князьям, в 1489–1495/1499 гг. происходили наиболее крупные раздачи[46]. У Колычева-Черного известно о наличии четверых сыновей: Игнатия Большого (ум. безд.), Никиты (ум. 1535), Ивана (оставил потомков), Игнатия Меньшого (ум. безд.). Поскольку в 1545 г. в Бежецкой пятине вотчина Колычевых-Немятых принадлежала не братьям Никитичам, а их матери, а лишь затем — ее детям, т.е. все братья Никитичи были несовершеннолетними, моложе 14 лет. Тогда старший — Юрий Никитич (ум. 1568, безд.) — родился не раньше 1531 г., а рождение его братьев Ивана (ум. 1582) и Афанасия (ум. 1568, безд.) пришлось на 1532–1535 гг. В феврале 1527 г. Н. И. Колычев-Немятый единственный раз в источниках упоминается на службе в числе иных подписантов грамоты[47]. Т. е. он родился не позже 1511 г., чтобы быть совершеннолетним в указанном году. Вместе с тем, в 1527 г. его подпись стояла под поручительством о верности на пытавшегося сбежать в Польшу князя Михаила Львовича Глинского, т.е. такую подпись не мог ставить юнец, пусть даже и знатного происхождения. Думается, что поручиться за князя мог бы достаточно зрелый представитель своего рода, как минимум 30-летний. В таком случае время рождения Н. И. Колычева-Немятого нужно сдвигать к сер. 1490-х гг. При этом у него был старший брат, а брак его отца состоялся до 1495 года. Таким образом, учитывая «предусмотрительность» Есипа-Ески Кривого, надо полагать, что брак его дочери и Колычева-Черного состоялся в период 1484/1489 гг., когда именно и начался массовый бояр-

[44] КБП. С. 43.

[45] *Бенцианов М. М.* Новгородские бояре — новгородские дети боярские: к вопросу о преемственности // Исследования по истории Восточной Европы. 2015. Вып. 8. С. 137.

[46] *Бенцианов М. М.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV — середине XVI в. // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург, 2000. С. 244–246.

[47] *Боде-Колычев М. Л.* Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 67–68.

ский вывод из Новгородской земли. Отец Колычева-Черного — Андрей Андреевич Колычев (ум. после 1501) впервые упоминается в истории в качестве т.н. «наместника Холмского» в ноябре 1492 г.; затем он упоминался на службе в Великом Новгороде в 1493 и 1501 гг.[48] Точная дата получения А. А. Колычевым в кормление г. Холм[49] неизвестна, но, вероятнее всего, это и произошло именно во 2-й пол. 1480-х гг., во время массового испомещения в Новгородской земле москвичей.

Таким образом, Есип-Еска Кривой, судя по всему, договорился с А. А. Колычевым о бракосочетании их детей. Осторожно допустим, что Игнатий Большой Колычев родился не позже ок. 1490 г., что дочь Есипа-Ески не могла быть «очень взрослой» (чтобы, собственно говоря, «заинтересовать» жениха), что брак состоялся не позже рубежа 1488/1489 гг. Таким образом, зная, что женский брачный возраст с древнейших времен и до Стоглава (1551) начинался с 10-летнего, хотя с 1410-х гг. обычно венчали девочек не моложе 12 лет[50], надо допускать, что невесте Колычева-Черного было 13–16 лет. В таком случае ее гипотетическая дата рождения приходится ок. 1472/1475 гг. Это означает, что все ее братья также не должны были быть намного старше ее. Ранее я показал, что владения последнего Корельского кормленщика были изъяты у него именно на момент писцового описания Водской пятины в 1499/1500 году[51]. Старший сын Есипа-Ески Кривого Петр Есипович Кречатников был совладельцем его имения до этого же хронологического рубежа.

Однако лучше всего показать приблизительный возраст братьев Есиповичей поможет выявление принадлежности того земельного владения, которое и привело к появлению фамильного прозвища. Речь идет о том, что тщательный анализ всех писцовых книг рубежа XV/XVI вв. показал, что соответствующий населенный пункт существовал только в единственном экземпляре в Водской пятине: д. Кречатниково близ устья р. Мойки (в городской черте совр. Санкт-Петербурга)[52]. Принадлежала эта деревня, как и целый ряд иных владений, боярину, чьи земельные владения в Корельской земле были на третьем месте среди всех восьми здешних боярщин. Речь идет о боярине, записанном в писцовых материалах дважды: 1) Григорий Петрович «владычень» (т.е. «владычен человек», иначе — состоящий на службе у Новгородского архиепископа); 2) Григорий Петрович Чашников[53]. Несмотря на отличие в фамильном прозвище, есть все основания, исходя из совпа-

[48] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 176–180.

[49] Совр.г. Холм Холмского района Новгородской обл.

[50] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 409. Только в 1410 г. митрополит Киевский [1408–1431] Фотий в письме к новгородскому архиепископу запретил венчать девочек младше 12 лет; поскольку это стало исполняться Руси, то и брачный возраст мальчиков был неофициально повышен до 14 лет. См.: *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 443. Здесь и далее при должностном лице в квадратных скобках указываются сроки пребывания в должности или правления.

[51] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 37–38.

[52] ПОКВПК. С. 129.

[53] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 37–39.

дения отчеств, владения родовой деревней и принадлежности к Новгородскому Владычному Дому, видеть в этом боярине сына Петра Есиповича Кречатникова. Владения Г. П. Чашникова также были изъяты в 1499/1500 году. Если полагать, что ему было на рубеже веков не менее 30/35 лет, тогда время рождения его отца, а равно и всех братьев Есиповичей, надо относить к ок. 1430/1440-м гг. Тогда время рождения Есипа-Ески Кривого сдвигается к ок. 1400/1410-м гг.

Здесь необходимо оговорить, что в историографии существуют единичные предложения о происхождении как рассматриваемых мною Есиповых, так и боярина Чашникова. Однако следует сразу постулировать их неверность. Относительно первого случая единственное предположение было сделано историком и генеалогом Н. П. Лихачевым (1862–1936)[54]. Он неверно перевел выражение «Матрена Кривая Есиповская жена» как «Матрена Кривая Есипова» (а должно быть, как «Матрена, жена Есипа Кривого», поскольку в те времена для женщин даже боярского происхождения использовались только личные имена, а отчества и фамилии им не полагались; следовательно, любая запись женского имени того времени означает личное женское имя и полное наименование ее мужа). Исходя из неверного перевода, он решил, что не существовавшая в истории «Матрена Есипова» принадлежала к известной боярской семье 1470-х гг. Богдана и Василия Есиповичей (указанных в летописях и писцовых книгах «Есиповыми», т.е. с усеченным отчеством). Однако В. Л. Яниным неоспоримо показано, что бояре Богдан и Василий Есиповы принадлежали к Людину и Загородскому концам, т.е. к прусско-плотницкому боярскому клану[55]. Наконец, применительно к вышеозначенным писцовым материалам, новгородское происхождение Есипа Кривого и Есиповичей подчеркивается для Щерковой улицы, каковая располагается в Неревском конце. Таким образом, неревские Есиповичи и людинские Есиповичи принадлежали к совершенно разным боярским родам.

Относительно происхождения Чашникова сделано следующее допущение. Сначала Л. А. Бассалыго, обнаружив в писцовом материале Водской пятины данные об изъятых землевладениях боярина Ивана Петровича Чашникова[56], твердо постулировал, что он «должен быть» исключительно сыном владычного чашника Петра Клементьевича[57]. Вслед за этим М. М. Бенцианов допустил, что Г. П. Чашников, «вероятно», брат И. П. Чашникова и, «вероятно», тоже сын Петра Клементьевича[58].

Однако, как уже указывалось выше, Г. П. Чашников является сыном П. Е. Кречатникова. Также И. П. Чашникова следует рассматривать его братом

[54] *Лихачев Н. П.* Родство Колычевых с новгородцами // Известия Русского генеалогического общества. 1900. Вып. 1. С. 120–123.

[55] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 390–411.

[56] ПОКНВП. С. 121–122, 239–240; ПОКВП. С. 23, 821–823.

[57] *Бассалыго Л. А.* Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII–XV вв.» // Новгородский исторический сборник. 2010. № 10(20). С. 44.

[58] *Бенцианов М. М.* «Из княженецких и из боярских дворов служилые люди»: послужильцы среди новгородских помещиков в конце XV — начале XVI в. // Новгородский исторический сборник. 2017. № 7(27). С. 112.

и сыном того же П. Е. Кречатникова. Это видно хотя бы из того, что владения И. П. Чашникова — на рр. Тосне и Неве — находятся в непосредственном соседстве (межа в межу) с владениями Г. П. Чашникова, а другие — в соседстве с владениями Николо-Вящижского монастыря, который, как указывалось выше, имел ряд земель в прямом совладении с Кречатниковыми. Что же касается Петра Клементьевича, владычного чашника, то он упоминается в документах в этой должности лишь в двух актах, где выступал в качестве послуха (свидетеля) при заключении земельных сделок[59]. Однако в одном из актов речь шла о земельном вкладе на помин души посадника Василия Есифовича, а во втором — послухами были Иван и Александр Тимофеевичи, из которых Иван стал затем посадником от Славенского конца. В целом в этих двух актах, помимо Петра Клементьевича, были указаны 4 послуха, все происходившие из славенского боярства[60]. Вполне резонно, что владычный чашник также был боярином-славенцем, тем более, что в грамоте № 292 вторым послухом выступал владычный стольник — славенский боярин. Таким образом, славенского боярина нельзя считать отцом неревских бояр, поэтому, вышеприведенные мнения Л. А. Бассалыго и М. М. Бенцианова о родовом происхождении братьев Чашниковых следует признать ошибочными.

Вероятнее всего, одним из поводов для отождествления братьев Чашниковых с чашником Петром Клементьевичем, был тот факт, что в процессе русского фамилеобразования часто потомки наследовали в качестве фамильного прозвища должность отца. Именно так потомки церковного пономаря становились «Пономаревыми», звонаря — «Звонаревыми» и т.д. В данном случае потомки чашника стали Чашниковыми. Вне всякого сомнения, это верное наблюдение, но оно верное в перспективе. Можно, разумеется, даже увидеть реальный пример, состоящий в следующем. После Шелонской битвы 1471 года, новгородцы выдали Москве четырех бояр, которые тут же были казнены. В числе казненных был владычный чашник Еремей[61]. Писцовое описание Шелонской пятины в 1498 г. зафиксировало изъятие «боярщины» у Ивана Еремеевича Чашникова в Буряжском и Дубровенском погостах[62]. И. Е. Чашников, разумеется, сын чашника Еремея. Однако строго генеалогически в качестве фамилии закрепляется, как правило, дедичество, а не отчество. Отчество может закрепиться в том случае, если в профессии отца произошел очень резкий перелом, а дети пожелали зафиксировать в своем роду самую видную должность отца в виде фамилии, как высшее родовое достижение. Причем такая практика была распространена и в крестьянской среде, о чем свидетельствуют мои личные наблюдения. Как видно, вследствие казни чашника Еремея в 1471 г., произошел именно очень резкий перелом в карьере всего рода в целом.

[59] ГВНП. №№ 292–293.

[60] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1990. С. 249.

[61] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Библиотека литературы древней Руси. Т. 7. СПб., 1999.

[62] Переписные оброчные книги Шелонской пятины, 1498, 1539, 1552–1553 // Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. 4. С. 120–121, 184–186. Далее — ПОКШП.

Впрочем, о том, что Петр Есипович Кречатников был владычным чашником, нет никакой информации. Однако известен боярин Иван Петрович, который был в 1460/70-х гг. Двинским владычным наместником[63]. Владычный наместник Двинской земли занимался административным управлением Двинской землей, являясь самым высшим лицом местной администрации. Такая система функционировала с XIV в.[64] до 1400-х гг., затем — с 1410-х по 1441 гг., затем — в 1446–1478 гг.; в краткие промежутки — 1400/10-х и 1441–1446 гг. — высшей властью в регионе обладал двинской посадник[65]. Л. А. Бассалыго предложил отождествить этого владычного наместника и крупного боярина Ивана Петровича Чашникова[66]. Однако, думается, это неверное предположение, хотя оно на первый взгляд кажется вполне резонным. Сразу видно, что, если Петр Есипович Кречатников родился ок. 1430/40-х гг., то, даже если взять гипотетической датой его рождения 1430-й год, его сыну Ивану к условному 1470 году было бы не более 20 лет. Несмотря на то, что мужское совершеннолетие наступало, как указывалось, в 14 лет, думается, что 20-летний или еще более молодой возраст вряд ли годились для замещения столь существенной должности, как владычный наместник. Кроме того, должность владычного наместника была гораздо существеннее должности владычного чашника. Последний руководил всего лишь, как и при монаршьем дворе, особым ведомством, в ведении которого находилось питейное дело, пчеловодство, бортные леса, производство церковного вина и воска. В этом случае вряд ли бы человек, находившийся на столь важной должности, пусть даже короткое время, согласился бы зафиксировать в своей фамилии более низкую должность своего рода. Наконец, важно то, что в писцовых книгах И. П. Чашников не имеет никаких дополнительных титулований. В то же время его брат Григорий именуется термином «владычен». Писец не дописал полную должность Григория, однако оная должность была. Если бы таковая должность была и у Ивана, ничто не мешало бы тому же писцу отразить это в книге. Следовательно, Григорий был старшим братом, что совершенно упраздняет возможность для Ивана отправлять должность владычного наместника (можно допустить, что временем рождения братьев Чашниковых были — самое раннее — 1450/60-е гг.). По причине юности,

[63] ГВНП. №№ 137, 187, 188, 221, 230; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 342–343, 348–349, 351.

[64] Точная датировка введения института владычного наместника неизвестна. Можно лишь предполагать, что введение этой должности в принципе было связано с реформой владычного управления в 1330-е гг. и появлением наиболее раннего из известных — Псковского владычного наместника — уже в 1340-х гг. См.: *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 51. Время же появления Двинского владычного наместника можно полагать после 1340-х гг., когда после ушкуйнических походов неревского боярина Луки Варфоломеевича Двинская земля была колонизована и закреплена за Великим Новгородом, и до 1390-х гг. Впервые в документах должность Двинского владычного наместника упоминается при Новгородском архиепископе Иоанне III [1388–1415]. См.: *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986. С. 67.

[65] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 317–318.

[66] *Бассалыго Л. А.* Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII–XV вв.» С. 44.

Иван, судя по всему, вовсе не успел в домосковский период занять какую-либо должность. Таким образом, владычный наместник Иван Петрович и боярин Иван Петрович Чашников — разные лица.

Вместе с тем, несомненно, что между семьей Кречатниковых и Новгородским Владычным Домом была довольно тесная связь. Как видится, это подтверждается показанным выше фактом совладения Кречатниковыми землями не только с Николо-Вяжищским монастырем (главным архиепископским монастырем), но и с прямо с Новгородским архиепископом. Таким образом, владычным чашником, давшим фамильное прозвание братьям Чашниковым, был, по всей видимости, сам боярин Есип-Еска Кривой.

Как представляется, можно отыскать ближайших родственников Чашниковых и увязать с ними иных ближайших родственников Кречатниковых. В. Л. Яниным показано, что владычному наместнику Ивану Петровичу предшествовал владычный наместник Фома Есифович [после 1465–1460/70-е гг.], а последним Двинским владычным наместником домосковского периода был Есиф Фоминич [после 1475 (?) — 1478][67]. Наместничество Ивана Петровича отправлялось где-то между этими наместниками. Думается, что Фома Есифович был неизвестным доселе старшим сыном Есипа-Ески Кривого. Учитывая возраст рождения самого Есипа-Ески, а равно время занятия Фомой должности владычного наместника, временем рождения последнего были 1420/30-е гг.

Разумеется, нет возможности доподлинно доказать, что наместник Фома был сыном Есипа-Ески. Однако думается, все перечисленные косвенные признаки этого весьма красноречивы. Кроме того, если принять этот факт, появляется возможность объяснить происхождение некоторых вышеуказанных своеземцев: Филиппа Фомина Сверчина, Филиппа и Максима Фоминых детей Сверчина Кречатникова. Их совершенно справедливо полагать детьми наместника Фомы Есифовича, носившего, как видно, прозвище «Сверчин». Кроме того, последнего домосковского Двинского владычного наместника Есифа Фоминича целиком логично видеть сыном наместника Фомы. Причем, если полагать, что Фома родился ок. 1420-х гг., а Есиф — ок. 1440-х гг., то занятие им не раньше 1475 г. должности владычного наместника в возрасте ок. 25–30 лет (при возрасте совершеннолетия в 14 лет) не кажется чем-то нереальным. Это, кроме того, объясняет и то, что младшие сыновья наместника Фомы унаследовали как дедово, так и отцово «территориальные» фамильные прозвища, а не «должностную» фамилию от отца (поскольку должность «унаследовал» их старший брат, они перестали иметь права на образование своей фамилии от нее). Филипп и Максим Сверчины Кречатниковы, по всей вероятности, родились ок. 1440/50-х гг.

Можно также предположить, что выявление факта принадлежности к семье Кречатниковых двух Двинских владычных наместников дополнительно объясняет, в свою очередь, факт того, что московские репрессии коснулись этой семьи не столь существенно. Выше было показано, что брак Кречатниковых с Колычевыми позволил семье уцелеть в целом. Но мож-

[67] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 295–297, 345, 348.

но говорить и о том, что Фома Есифович стал владычным наместником одновременно с назначением от В. К. Иоанна III [1462–1505] не новгородского, а великокняжеского Двинского посадника Патракия Дмитриевича[68]. Патракий и великокняжеская администрация с сер. 1460-х гг. занимались изъятием владений новгородских бояр в Двинской земле. По всей видимости, наместники Фома и Есиф — отец и сын — нисколько не сопротивлялись этому, показав тем самым, что не являются приверженцами «литовской партии».

Завершая рассмотрение семьи Есипа-Ески Кривого, следует обратить внимание на то, как представляется явным факт, что все братья Есиповичи и их сестра ок. 1472/75 гг.р. происходили от разных матерей. В самом деле, трудно допустить, чтобы старшие братья родились в течение 1420/40-х гг., а младшая сестра была бы на ок. 30 лет моложе самого младшего из братьев. То, что сам Есип-Еска, которому в 1470-х гг. могло быть от 50 до 70 лет, мог иметь дочь, сомневаться не приходится. Но большому сомнению подлежит тот факт, чтобы эту дочь родила та же женщина, которая рожала и братьев Есиповичей, и которой тоже могло быть до 70 лет. Следовательно, резонно допустить, что Есип-Еска, овдовев, женился вторично на вышеуказанной Матрене и имел дочь от второго брака. Учитывая, что брак боярышни Есиповны состоялся ок. 1488/89 гг., вероятнее всего, ее выдавала замуж только Матрена, а не сам Есип-Еска. Если он родился ок. 1400-х гг. (что, видимо, так и есть, поскольку Фома Есифович должен был бы родиться не позже сер. 1420-х гг.), то ему было бы около 85 лет или больше. Нельзя сказать, что в ту эпоху не существовало долгожителей, но маловероятно, чтобы до столь преклонного возраста дожил «дефеодализированный» боярин, у которого (и его детей) забрали боярский статус и почти все земли.

Думается, что можно определить происхождение фамилий Сочевицыных и Веряжских. Здесь следует оговорить, что их происхождение будет чрезвычайно гипотетическим, ибо тому нет никаких, даже косвенных, доказательств, подобных тем, что приводились относительно родства братьев Есиповичей. Вместе с тем, высказанный А. А. Селиным постулат об их тесном родстве с Кречатниковыми никогда не подвергался сомнению или даже какому-либо обсуждению в историографии. Принимая факт тесного родства как аксиому, вытекающую из совладения ими одними имениями с Кречатниковыми, генеалог должен оперировать исключительно именами-отчествами, перечисленными в писцовом материале, дабы увязать родственников друг с другом.

Вспомним, что Сочевицын указан всего один — своеземец Андрей Матвеев Сочевицын, совладельцем-своеземцем с которым был Гавриил Кузьмин Кречатников, сын реконструированного боярина Кузьмы Ивановича Косина Кречатникова. Родным братом рано умершего Кузьмы Ивановича был Матвей Иванович, оставленный своеземцем. Можно допустить, что Андрей Матвеев Сочевицын — сын Матвея Ивановича Кречатникова[69]. Такое же допущение

[68] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 345.

[69] Его фамильное прозвище произошло не из наименования какого-то владения, а от «сочи-

можно сделать в отношении Веряжских. Вспомним, что все Веряжские компактно совладели одними и теми же владениями с двумя Кузьмичами Кречатниковыми (включая Гавриила Кузьмича) и с Матвеем Ивановым Кречатниковым. Можно с уверенностью полагать, что Тимофей, Федор и Мина Матвеевы Веряжские были сыновьями Матвея Кречатникова. Сложнее решить вопрос с происхождением Андрея Иванова, Алексея Прокопова и Дмитрия Перфурова Веряжских. Их отчества не совпадают с именами ни одного из рассмотренных Кречатниковых. Решение найти можно, но нужно подчеркнуть, что это решение будет в известной степени умозрительным. Однако при существующем состоянии источников можно, как видится, предложить только одно решение. Дмитрия Перфурова Веряжского не следует рассматривать «кровным» Веряжским, происходящим от Кречатниковых. Выше указывалось, что писцовая книга уточняет: часть земли Андрей Сочевицын получил в приданое от Тереха (Терентия) Перфурова. Следовательно, Дмитрий Перфуров должен рассматриваться в качестве брата Тереха Перфурова. По всей видимости, имел место перекрестный брак: Андрей Сочевицын женился на дочери Тереха Перфурова, а брат Тереха — на дочери Матвея Кречатникова, получив в приданое часть земель вокруг д. Веряжкино, став «Веряжским». Андрея Иванова Веряжского, думается, следует видеть как первого владельца д. Веряжкино. Иными словами — Андрей Иванович является братом всех Ивановичей Кречатниковых. В историографии описаны случаи, когда новгородский боярин добровольно отказывался от своих владений, за что его оставляли в Новгородской земле своеземцем, либо придав ему новые владения, либо в его же собственных старых, но сильно урезанных. Как представляется, с Андреем Ивановым Веряжским перед нами именно такой случай. Принимая это, Алексея Прокопова Веряжского можно видеть внуком Андрея Веряжского, полагая, что его сын — Прокопий Андреевич — умер до писцового описания. В ряду братьев Ивановичей Андрея Веряжского надо, вероятнее всего, поставить на третье место — между Еремеем и Матвеем Кречатниковыми.

Определять происхождение упомянутых Буйносовых как членов одного рода с Кречатниковыми, думается, невозможно. В отличие от Сочевицыных и Веряжских, А. А. Селин оговаривал, что они, «*возможно*», являются их родственниками[70].

во» (специальная кутья, употребляемая в канун Рождества Христова) или «сочень» (постная тонкая лепешка из пресного текста или картофеля, употреблявшаяся тогда же). Характерно, что Н. М. Тупиков (1869–1901) записывал имя А. М. Сочевицына в виде «Андрей Матвеев Сочевица». См.: *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 1903. С. 370. Также надо учесть, что: *Сочельник* < *Сочевник* < **сочьньник* < *сочень*. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 730. Поэтому можно предполагать, что такое прозвище Андрей Матвеевич получил, либо любя праздничное ритуальное кушанье, либо родившись в Сочельник, что вероятнее. Известны редкие аналоги этого имени: 1) серб. «Сочивой». См.: *Морошкин М.* Славянский именослов. СПб., 1867. С. 299. 2) «Гринько Сочивчич», вотчинник в Червонной Руси (1409). См.: *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 759.

[70] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб

Было бы очень заманчиво постулировать их принадлежность к исследуемому роду на основании того, что Федору и Алексею Яковлевичам Кречатниковым принадлежала д. Буино, а фамилия Буйносовых произошла от названия деревни. Но в этом случае фамилия должна была выглядеть в виде, напр., «Буйновы»/«Буйновские», а этимология термина «Буйносовы» иная. Наконец, «старых бояр» Федора и Степана Михайловичей Буйносовых, своеземцев Игната и Василия Митрофановых Буйносовых, своеземца Афанасия Кузмина Буйносова, своеземцев Григория и Василия Есиповых Буйносовых никак нельзя увязать с Кречатниковыми, оперируя именами-отчествами, никакими натяжками. Кроме того, в отличие от Сочевицыных, Веряжских и Сверчиных, из всех семерых Буйносовых имения в совладении с Кречатниковыми имел только Игнат Митрофанов Буйносов. На этом основании можно лишь допустить, что он если и был в родстве с Кречатниковы, то лишь женившись на ком-то из их рода, либо выдав собственную сестру и/или дочь за кого-то из них. Этим и обуславливалось как его совладение с Кречатниковыми, так и соседство их владений.

Таким образом, после проведенного исследования остается открытым один, самый важный вопрос: происхождения Ивана, Есипа-Ески Кривого и Якова, к которым сводятся все Кречатниковы, Веряжские, Сочевицыны и Сверчины. Вне всякого сомнения, они должны были быть родными братьями, поскольку лишь в том случае, когда один человек — их отец — владел д. Кречатниково, а затем оставил ее в равное совладение своим троим сыновьям, они и могли усвоить себе прозвище «Кречатниковы» во все три родовые ветки. С учетом текущего состояния источников ответ, как мне думается, должен быть однозначным. Позволю себе, однако, сделать краткую предысторию к этому ответу. В классической родословной схеме Мишиничей-Онцифоровичей, построенной В. Л. Яниным, после Онцифора Лукинича, новгородского посадника [1350–1354], были отслежены три поколения. В частности, старшим сыном Онцифора был Юрий Онцифорович, старый посадник [ок. 1405–1416], а внуком — Михаил Юрьевич (ум. 1421/1423). Последний уже не занимал высших должностных постов, но был в 1421 г. одним из послов в Ливонский Орден и в том же году заложил в Колмовом монастыре церковь Св. Михаила[71]. Его дети — Андреян и Никита Михайловичи — не были зафиксированы ни в летописях, ни в актовом материале. В. Л. Янин сумел восстановить их историчность из завещания внучки Юрия Онцифоровича Орины своих земель в Колмов монастырь. Причем В. Л. Янин остановил родословную схему старшей ветки Онцифоровичей именно на Орине, поскольку иных имен он не выявил, а по завещанию было даже неясно, чьей именно дочерью — Андреяна или Никиты — была Орина. Однако мне в ходе исследований по уточнению и углублению родословной неревского боярства удалось дополнить построения В. Л. Янина в этом аспекте. В актовом материале были выявлены неревляне Давыд и Есип Андреяновичи, которых я счел сыновья-

потомков землевладельцев республиканского периода. С. 332–333.

[71] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 23.

ми Андреяна Михайловича, в каковом случае Орина, завещавшая свои владения в монастырь, была дочерью Никиты Михайловича, причем, как видно, единственной дочерью[72]. Давыд Андреянович упоминался послухом в завещании старца Михайловского Архангельского монастыря, т.е. был двинским вотчинником («двинским боярином», как всех новгородских бояр, имевших вотчины в Двинской земле, именовала летопись). Больше о нем ничего не известно. Есип Андреянович был крупным вотчинником, и его земли в Задвинье в ходе описи ок. 1474/75 гг. были у него отобраны. Именно Есипа Андреяновича я рассматриваю лицом, тождественным Есипу-Еске Кривому: тогда реконструированных Ивана и Якова нужно видеть не известными доселе детьми Андреяна Михайловича. Именно боярин Андреян и был, видимо, тем самым «первым Кречатниковым», владельцем д. Кречатниково, по чьему названию все его сыновья, получившие ее в совладение, усвоили себе фамильные прозвища. О сроках жизни Андреяна Михайловича ничего не известно: согласно В. Л. Янину, завещание Орины, где упоминаются Андреян и Никита Михайловичи, составлялось в диапазоне 2-й четв. XV в. Поскольку Есип-Еска Кривой должен был родиться не позднее 1400-х гг., то боярин Андреян родился не позже рубежа 1370/80-х гг. Выявление всех сыновей Андреяна Михайловича позволяет уточнить порядок их старшинства. Думается, что самым старшим был Есип Андреянович «Кривой» как обладающий весьма значительными земельными владениями, как владычный чашник, как лицо, сумевшее выдвинуть своего сына во владычные наместники, как боярин, чьи дети успели стать «старыми боярами». На второе место следует поставить реконструированного Якова Андреяновича, чьи сыновья также были сведены как «старые бояре». На третье место поставим реконструированного Ивана Андреяновича, чьи внуки также успели стать «старыми боярами» для московского писца. На последнее место поставим Давыда Андреяновича, как боярина, обладавшего не столь, по-видимому, существенными владениями и малозначительным весом, коль скоро никакой дополнительной информации о нем выявить не удается.

Следует заметить, что моя реконструкция была верной. В актовом материале удается найти фигуру реального боярина, носившего имя Якова Андреяновича[73]. Срок составления этой грамоты неизвестен, будучи приурочен ко времени правления архиеп. Иоанна III. Однако еще один боярин, упоминаемый здесь послухом, — Александр Игнатьевич — был неревлянином и стал затем степенным тысяцким [1414–1416] и старым посадником (с 1416/17)[74]. В грамоте боярин титулован не был, следовательно, грамота составлялась до 1414 года. Однако, учитывая приблизительный возраст Якова Андреяновича, она должна быть составлена не позже 1410/14 гг. Тогда, учитывая возраст совершеннолетия (14 лет), боярин Яков родился ок. 1395/1400 гг. В таком случае дату рождения Есипа Андреяновича надо отодвигать на 1-ю пол. 1390-х гг., а дату рождения Андреяна Михайловича

[72] Там же. С. 23–24, 36, 40.

[73] ГВНП. № 108.

[74] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 217.

считать не позже 1370 года. По всей видимости, можно также доказать историчность боярина Ивана Андреяновича. В актовом материале в числе послухов люди с таким именем-отчеством встречаются трижды[75]. Человек из грамоты № 121 не подходит, ибо датировку грамоты невозможно уточнить иначе, нежели в диапазоне от 1340-х до 1480-х гг.[76] Человек из грамоты № 267 должен быть отведен, поскольку его отцом назван Андрей Иванович. Боярин Иван Андреевич из грамоты № 291 был послухом при земельной сделке между славенским новгородским посадником Дмитрием Васильевичем Глуховым и представительницей знати корельского рода Ровкулчи. Здесь следует понимать, что послухом должен был быть человек, являвшийся здешним землевладельцем, а реконструированный мною боярин Иван Андреянович был именно двинским вотчинником. Кроме того, Онцифоровичи с 1250-х гг. напрямую занимались управлением и прочими делами корел. Это, хоть и косвенно, но позволяет видеть в боярине из грамоты № 291, датируемой ок. 1448–1456 гг.[77], неревлянина.

Таким образом, известную сейчас родословную схему Мишиничей-Онцифоровичей (Схема 1) следует существенно дополнить (Схема 3). Можно сделать также некоторые наблюдения относительно потомков новооткрытых ветвей неревских бояр. В писцовой книге Водской пятины 1539 года в Климентовском Тёсовском погосте указано, что д. Корелно принадлежит совместно земцам Федору Игнатову Буйносову (чье место пустое, ибо Федор «*умер тому 30 лет*», очевидно, бездетным) и Дмитрию с Иваном Андреевыми Сочевицыными[78]. Писцовая книга 1582 года упоминает места братьев Сочевицыных уже пустыми[79]. Затем родовые линии Сочевицыных разделяются на дворянскую и крестьянскую. Представителем первой ветви известен земец Терех (Терентий) Истомин Сочевицкий, получивший в 1598/99 г. земельный оклад в 50 четей и умерший до 1605 г.[80] Следует думать, что его отец — Истома — был сыном Дмитрий Андреева Сочевицына, поскольку ветвь его брата стала крестьянской. Мина Иванов Сочевицын в отписных книгах Тёсовской волости за 1573 и 1578 гг. назван старостой дворцового села Тёсова[81]. В писцовой книге 1582 г. дворцовое село было уже преобразовано в Спасский Ям[82], т.е. в ямское поселение: среди местных ямских охотников был назван Ганша Ананьин Сочевицын, которого А. А. Селин справедливо (из-за уникальной фамилии) видел потомком своеземцев Сочевицыных[83]. Ананию надо, вероятнее всего, ви-

[75] ГВНП. № 121, 267, 291.

[76] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 231.

[77] Там же. С. 246.

[78] Писцовая книга Вотской пятины 1539 года / Сост. А. М. Гневушев. Вып. 1. Новгород, 1917. С. 5.

[79] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода С. 325–326.

[80] Там же. С. 326.

[81] Там же. С. 325–326. Причем в 1578 г. его фамилия указана уже в виде «Сочевин». См.: *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 480.

[82] Совр.д. Ям-Тёсово Лужского района.

[83] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев. С. 326.

деть еще одним сыном Ивана Андреева Сочевицына, а Ганшу — его внуком.

Писцовая книга Водской пятины 1539 года также указывала, что запустевшая земля (д. Щокотово) земца Филиппа Фомина Сверчина была приписана к дворцовым землям[84]. Из этого можно сделать равнозначные выводы о том, что либо Филипп умер бездетным, либо его наследники получили иные земли (эта версия окажется верной, см. об этом ниже).

Писцовая книга Водской пятины 1582 года не упоминает ничего о Веряжских[85], из чего можно заключить, что либо их ветка пресеклась, либо они выселились из Новгородской земли до этого писцового описания. Между тем, Федор Андреянов Веряжский обнаруживается в Деревской пятине (погост Устьяновской и Налючской) в 1542/43 г.[86] и в Шелонской пятине (погост Опотцкой) в 1550/51 г.[87] Это явно сын Андрея Иванова Веряжского, который не был указан в писцовой книге 1499/1500 г. по причине своего несовершеннолетия (т.е. он родился между 1485/86 и 1499/1500 гг.).

Двор нетяглый «*Кречетниковской земца*» на ул. Щерковой фиксируется в писцовом описании Великого Новгорода 1582 года; однако этот двор по официальной купчей был продан Богдану Кушникову Загряжскому[88]. Еще один белый двор, ранее принадлежавший Семену Кречатникову, располагался на ул. Ильине; на 1582 год двор принадлежал Белозерскому Кирилловскому монастырю[89]. Писцовое описание Великого Новгорода 1582 года подтверждает тот факт, что Есип-Еска Кривой с ул. Щерковой был Кречатниковым, хоть его фамильное прозвище и не указано в писцовой книге 1499/1500 года, а указана лишь уличанская принадлежность.

По писцовым книгам А. А. Селиным найдены дополнительные представители рода Кречатниковых: Фома Гаврилов Кречатников; Власий, Григорий и Нестор Матвеевы Кречатниковы; Кузьма и Никифор Филипповы Сверчины[90]. Однако факт, что городской двор Кречатниковых до 1582 года был продан иным владельцам, свидетельствует о том, что последние представители рода сменили место жительства, либо род деятельности. Так, А. А. Селин обнаружил Кречатниковых, перешедших в церковные причетники: дьячок Меншик Никифоров Кречатников служил в Воскресенской церкви с. Гузи (упом. 1599–1600), принадлежавшей Николо-Вяжищскому монастырю; Шестак Кречатников был служ-

---

[84] Писцовая книга Вотской пятины 1539 года. С. 5.

[85] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев. С. 332.

[86] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. С. 485.

[87] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6 / Сост. К. В. Баранов. М., 2009. С. 34.

[88] *Майков В. В.* Писцовая книга Новгорода Великого конца XVI в. СПб., 1911. С. 136.

[89] Там же. С. 232. Этот Кречатников не принадлежал к фамилии новгородских земцев. Семен-Дружина Головин сын Кречатников был московским подьячим, упомянутым в 1563 г. (впервые в 1551). В ходе московских казней Семен был казнен 25 июля 1570 г., а его семья — вдова Дарья с сыном Владимиром — 27 июля. См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 268; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 402; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 2001. С. 462–472.

[90] *Селин А. А.* К исторической географии Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. 1998. Вып. 12. С. 314.

кой в новгородском Духовом монастыре (упом. 1585/90)[91].

Следует отметить тот факт, что в Деревской пятине существовал род Кречатниковых, ново-испомещенных помещиков. Уже ок. 1495 г. в Посонском и Жабенском погосте зафиксированы имения Григория Аврамова Кречатникова[92]. Его дети зафиксированы помещиками в Посонском погосте в 1542/43 г.: Василий и Степан Григорьевы Кречатниковы[93]. Они же, включая еще одного сына, не указанного ранее, а равно и внук Г. А. Кречатникова, указаны в том же погосте в 1550/51 г.: Василий, Степан и Некош Григорьевы Кречатниковы, Борис Васильев Кречатников[94].

По моему мнению, помещики Кречатниковы одного рода с земцами Кречатниковыми. Случаи, когда представители староновгородских боярских родов становились не своеземцами, а ново-испомещенными помещиками, редчайшие, но всё же имели место. Итак, в писцовой книге Шелонской пятины 1498 года указано, что у Андрея Аврамьева были изъяты «волостки» в Опоцком и Дубровенском погостах, названные «боярщинами»[95]. Гипотетически в «старом боярине» Андрее Аврамовиче можно видеть старшего брата помещика 1495 г. Г. А. Кречатникова. В Шелонской пятине сохранилось упоминание о боярине Авраме, которого резонно видеть отцом Адрея Аврамьева и, вероятно, Григория Аврамова: в книге 1539 года указано, что некогда в Ильменском погосте были на р. Ситне «*деревни Аврамовские*»[96]. Весьма важно, что в актовом материале сохранилось упоминание о боярине Авраме Автономовиче (Онтомановиче), который продал свой отчинный участок в Двинской земле[97]. Грамота № 207 датируется ок. 1455/1465 гг.[98] Учитывая весьма характерное имя отца боярина Аврама, а также то, что актовый материал сохранил однократное упоминание человека с таким именем, этого человека можно рассматривать в качестве отца Аврама. Речь идет о грамоте № 278, где одним из послухов указан Автоном (Онтоман) Есипович[99]. Автонома Есиповича можно видеть сыном Есипа-Ески Кривого, родившимся по старшинству около будущего владычного наместника Фомы Есифовича, т.е. в 1420-х гг. Тогда Аврам Автономович, родившийся ок. 1440-х гг. вполне мог заниматься продажей земельных участков от своего имени. Разумеется, нельзя считать сделанные выводы единственно верными. Однако налицо совпадение во времени Есипа-Ески Кривого и Есиповичей вместе с Автономом Есиповичем. Налицо также совпадение того факта, что проданная Аврамом Автономовичем вотчина находилась в Двинской земле, где и было много земель Есипа-Ески

[91] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев. С. 324.

[92] Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г. Вторая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2. С. 883–890. Далее — ПОКДП-2.

[93] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. С. 348.

[94] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. С. 282–283.

[95] ПОКШП. С 168–171, 182.

[96] Там же. С 266.

[97] ГВНП. № 207.

[98] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 333.

[99] ГВНП. № 278.

Кривого. Также очень существенно, на мой взгляд, что одним из послухов в грамоте № 207 указан некий Микула Перфурьевич. Выше было показано, что некая семья Перфурьевичей была весьма близка к Кречатниковым, перекрестно породнившись с нею. Можно думать, что вышеупомянутые Терех и Дмитрий Перфуровы были братьями боярина Микулы Перфурьевича. Наконец, можно обратить внимание на еще один аспект, впрочем, весьма шаткий. Среди пятерых бояр, двинские земли которых были конфискованы в 1474–1475 гг., помимо Есипа Андреяновича Кривого, был боярин Василий Иванович, которого В. Л. Янин отождествлял с неревлянином Василием Ивановичем Губой Селезневым, степенным посадником [1471], казненным в Москве в 1471 г.[100] Еще одним из послухов грамоты № 278 тоже указан Василий Иванович, которого можно отождествлять с Губой Селезневым[101]. Тогда логично, что послухами при грамоте № 278 являются два неревских боярина. Таким образом, если выбирать между невозможностью предположить никакого происхождения для помещиков Кречатниковых и гипотетической, но целиком вероятной возможностью такого предположения, следует, разумеется, выбрать второе.

В 1606 г. в Деревской пятине зафиксированы помещики Кречатниковы: Федор Григорьев, Андрей, Федор и Василий Васильевы[102]. Это говорит о том, что либо писцовые описания 1-й пол. XVI в. не зафиксировали Федора Григорьева, либо крестильное имя «Федор» носил Некош Григорьев. Братья Васильевы могут быть детьми либо Василия Григорьева, либо Василия Иванова Кречатникова, получившего вводную грамоту (1591) на поместье в Заборовском погосте Деревской пятины. Василий и Федор Ивановы Кречатниковы были подъездчиками в Шведском походе (1549), а Роман Иванов Кречатников — становщиком в Казанском походе (1544), Лука Иванов Кречатников — поддатнем у рынды меньшего саадака в Казанском

[100] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 196. Здесь же В. Л. Янин пытался видеть в Есипе Андреяновиче боярина из прусского клана Есипа Горошкова, имевшего то же отчество. Однако этот боярин последний раз упоминался в источниках в 1463 г., а в 1475 г. действовал уже его сын Иван. См.: Там же. Сам же В. Л. Янин по другому поводу указывал, что при конфискации земель указывалось, кому они принадлежали на момент конфискации. См.: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 76. Невероятно, поэтому, допустить, чтобы земли Есипа Горошкова были не унаследованы его сыном в течение ок. 10 лет. Невероятно также, чтобы земли Ивана Горошкова именовались по имени его покойного отца. Следовательно, Есип Андреянович Кривой и Есип Горошков — разные люди. Дети же Губы Селезнева вполне могли не вступать в официальное наследство земель казненного отца, боясь навлечь на себя дополнительную опалу, тем более, что после казни до конфискации прошло очень немного времени.

[101] Поскольку в грамоте № 278 речь шла о разделе владений между славенскими боярами (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 229), то в лице «Василия Ивановича» можно, конечно, видеть некоего славенского боярина Василия Ивановича, именуемого в одном из посадничьих списков новгородским посадником (ок. 1450-х гг.). Однако показано, что ни в каких иных списках и других источниках такой посадник не указывается, поэтому его можно считать мифической личностью. См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 378, 409.

[102] *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 449.

походе (1544)[103]. Учитывая их очень невысокие чины и понимая, что эти чины могли быть обусловлены их молодостью, надо думать, что у А. Г. Кречатникова мог быть еще один сын — Иван, — оставшийся неизвестным источникам.

После Смуты в Новгородском уезде вновь были испомещены в 1612 г. Михаил Федоров и Андрей Васильев Кречатниковы; у последнего в 1628 г. был двор в г. Торжке, но А. А. Селин ошибочно считал его участником московского собора 1642 г., ибо участником оного был представитель нижегородского рода Кречетниковых[104]. Дальнейшая история

[103] Там же. С. 449.

[104] В конце XVI в. в Нижегородском уезде зафиксировано несколько помещиков Кречетниковых (sic!, т.е. с литерой «е»): Семен Васильев (1571), Петр-Петеля (1588, 1604) и Яков (1588, 1597) Семеновы, Лукьян (1597) и Федор (1597, 1605) Петровы, Филипп Никитин (1576, 1597). См.: *Чеченков П. В.* Древнейший перечень фамилий нижегородского дворянства 1581 года // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. 2014. Вып. 3. Как видно, гипотетически их можно считать потомками новгородских Василия Иванова или Василия Григорьева Кречатниковых. Известны также помещики в Тверском уезде (1551) Горяин Степанов и Яков Семенов Кречетниковы. См.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. С. 449. Как минимум одного из них гипотетически тоже можно возводить к новгородским Кречатниковым. Кроме того, из нижегородских Кречетниковых вышел графский род. См.: Там же. С. 447–449. Его основателем считается нижегородский городовой сын боярский (1615/18) Василий Иосифов Кречетников, получивший поместья (1592, 1597, 1607) в Московском уезде. Его детьми были Семен (1618), Федор, Василий и Андрей. Последний и был участником московского собора (1642). Василий Васильев Кречетников (ум. 1661) выслужился в московские дворяне (1631). Яков Васильев (ум. после 1703) выслужился в стряпчие (1662), стольники (1688). Федор Васильев (ум. после 1691) — в стряпчие (1662), стольники (1667). Семен Васильев (ум. после 1692) — в стольники (1686). Федор Яковлевич (ум. после 1717) — стольник (1686). Семен Яковлевич (ум. после 1708) — стольник (1686). Иван Федорович (ум. после 1728) — шталмейстер (1727), прапорщик (1728). Никита Семенович (ум. 1745) — ген.-лейт. (1736), действ. стат. сов. (1741). Петр Никитич (ум. после 1800) — ген.-м. (1793). Михаил Никитич (ум. 1793, безд.) — ген.-пор. (1776), сенатор (1785), ген.-аншеф (1790), граф (1793). Иван Петрович (ум. после 1796) — колл. сов. Михаил Иванович (ум. 1848, безд.) — Звенигородский уездный предводитель дворянства (1837). Петр Иванович (ум. 1831, безд.) — полк. Думается, что можно увидеть еще одно, весьма существенное подтверждение того факта, что нижегородских Кречетниковых и новгородских Кречатниковых надо увязывать в единое генеалогическое целое. В предыдущей работе я указал, что нижегородские Домажировы — это реальные потомки новгородских Домажировых. См.: *Таланин В. И.* «Ижорские бояре». С. 216–220. Так вот, в древнейших списках нижегородского дворянства (от 1581 до 1637/1638), помимо Кречетниковых, известны фамилии Буйносовых, Троетцких и Лняниковых. См.: *Чеченков П. В.* Древнейший перечень фамилий нижегородского дворянства 1581 года; *Балыкина М. И.* 1) Нижегородские дворяне и дети боярские в 1638 году: «конность, людность и оружность» уездной служилой корпорации // Filo Ariadne. 2019. № 4; 2) Список нижегородских дворян и детей боярских 1637 года, которым велено быть в Москве «для Государева земского дела» // Filo Ariadne. 2020. № 1. Троетцкие действительно были «старыми боярами» с новгородской Витковой улицы (Плотницкий конец). См.: *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев. С. 329–330. Что же касается Лняниковых, то «старый боярин» Михаил Иович Лняников совладел вотчиной с Петром Есиповичем Кречатниковым в Никольском Ижорском погосте Водской пятины и был сведен. См.: ПОКНВП. С. 391–393. Таким образом, есть все основания полагать, что до половины всей нижегородской

новгородских Кречатниковых, как земцев, так и помещиков, нуждается в дополнительном изучении.

3. Старшая ветвь потомков последнего Корельского кормленщика Лукьяна Леонтьевича

В моем раннем исследовании на основании всестороннего анализа всех возможных источников была восстановлена семья последнего Корельского кормленщика домосковского времени Лукьяна Леонтьевича (1420/30-е гг. — ум. после 1500), оставленного своеземцем Корельского уезда[105]. Вплоть до своих недавних работ[106] я не видел никакой необходимости корректировать свои данные.

Кратко полученные ранее результаты выглядели следующим образом. У Лукьяна Леонтьевича были выявлены четверо братьев: Исак Леонтьевич (1420/30-е гг. — ум. после 1500), оставленный своеземцем Корельского уезда, Никита Леонтьевич (1420/30-е гг. — ум. после 1487), посол в Литву [1463] и купеческий староста [упом. 1487], Иван и Андрон Леонтьевичи (рр. 1420/30-е гг. — ум. после 1450-х гг.), двинские вотчинники. Потомки двинских вотчинников пока остаются неизвестными, но если они и были, то, как потомки всех «двинских бояр», они стали местными черносошными крестьянами. Потомки Исака и Никиты также мною не отслеживались. У последнего же Корельского кормленщика был сын — Леонтий Лукьянович (до 1470/90-х гг. — ум. после 1530-х гг.), трое сыновей которого ок. 1579/80 гг. переселились в Нижегородский уезд. Старший из них основал в Нижнем Новгороде монастырь Сошествия Святого Духа как копию новгородского Духова монастыря, став его первым игуменом под именем Порфирия [1579/80–1600/04]. Второй — Лукьян Леонтьевич (1510/20-е гг.— 1587/1600) — был в Великом Новгороде «корыстным купчиной» и целовальником [1571–1573], а в Нижегородском уезде основал (1579/80) село Богородское (совр.г. Богородск Нижегородской обл.).

Открытым оставался вопрос, почему потомки оставленного своеземцем «старого боярина» Лукьяна Леонтьевича перестали быть своеземцами, перейдя в городское сословие? До того момента, пока я считал, что у «старого боярина» Лукьяна был только один сын и трое внуков, я в своих работах полагал, что корельские своеземцы перестали быть таковыми в силу идеологических причин. Я полагал, что тот факт, что, когда у своеземцев между 1540/60-ми гг. отбирали их вотчинные земли и давали эти же земли на поместном праве, вследствие чего своеземцы превратились в земцев, повлиял на потомков боярина Лукьяна. Повлиял в том смысле, что они якобы «не согласились» с этой реформой и ушли поэтому в городское сословие[107]. Повторюсь, что пока я полагал, что у боярина Лукьяна был только один сын, это мое мнение име-

дворянской корпорации были потомками староновгородского боярства.

[105] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 4–52.

[106] *Таланин В. И.* Институт Корельского кормления в Новгородскую эпоху // Novogardia. 2019. № 2. С. 81–105.

[107] *Таланин В. И.* Родовая корельская знать в XIII–XV веках и ее потомки в Центральной России // Novogardia. 2019. № 1. С. 160–161.

ло право на существование. Однако, как будет показано ниже, детальный анализ писцовой книги 1499/1500 года позволил выявить старшего сына боярина Лукьяна и двух его внуков от этого сына, своеземцев (Схема 2). Хорошо известен тот факт, что своеземческие владения были невелики и по мере дробления семей и наделов часть потомков не могла прокормиться с этих наделов и меняла род деятельности вместе с сословной принадлежностью[108]. Я и сам подметил этот факт на примере своеземцев — потомков родовой корельской знати[109]. Таким образом, учитывая, что известные до сего дня потомки последнего Корельского кормленщика были его внуками от самого младшего сына, им со временем могло просто не остаться нужного количества земли на прокорм, что и могло стать причиной смены ими сословной принадлежности.

Итак, в г. Корела, где корельскими дворовыми своеземцами были зафиксированы «старые бояре» Лукьян и Исак Леонтьевичи[110], такими же своеземцами были записаны Григорий и Степан Лукины дети Кузьмина[111]. Они же тут же были указаны иначе — Григорий и Степан Кузьмины дети Лукина[112]. Поскольку во всех последующих случаях они упоминаются именно с отчеством «Кузьмины», следует видеть «Кузьму Лукина» их отцом.

В Городенском погосте указаны своеземцами они же, Григорий и Степан Кузьмины дети Лукина[113]. Причем здесь их деревни располагались «*в Задней Кореле на Немецком рубеже*»; именно здесь некогда были владения их дяди, Исака Леонтьевича[114]. В Ильинском Келтушском погосте они были указаны как «*своеземцы Корельского городка*»: Григорий и Степан Кузьмины дети Лукина Токарева Корелянина[115]. В Ивановском Куйвошском погосте они были указаны как «своеземцы Корельского городка»: Григорий и Степан Кузьмины дети Лукина[116]. В Михайловском Сакульском погосте они были указаны своеземцами: Григорий и Степан Кузьмины дети Лукина[117]. В Васильевском Ровдужском погосте они были указаны своеземцами, причем здесь в д. Большой Двор жил сам Григорий[118]. В этом же погосте была указана д. Муравин Конец, которая некогда принадлежала «старому боярину» Луке Леонтьевичу, а согласно книге 1499/1500 года, деревня была в совладении Григория и Степана, своеземца Кузьмы Дуравина и нового владельца Осташа Редрова[119] (кому были отданы многие другие владения Лукьяна Леонтьевича)[120].

Таким образом, вся приведенная генеалогическая информация не оставляет

---

[108] *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев. С. 326.

[109] *Таланин В. И.* Родовая корельская знать. С. 159–160.

[110] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 37–38.

[111] ПОКВПК. С. 5.

[112] Там же. С. 6.

[113] Там же. С. 15–16.

[114] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 37.

[115] ПОКНВП. С. 245–246, 250–251.

[116] Там же. С. 171–173.

[117] Там же. С. 49–50.

[118] Там же. С. 104–106.

[119] Там же. С. 111.

[120] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 37–38.

сомнений в том, что Григорий и Степан Кузьмины были внуками боярина Лукьяна Леонтьевича, у которого выявляется существование сына Кузьмы Лукьяновича. Более того, можно с очень высокой степенью вероятности допустить, что своеземец Кузьма Дуравин и приходится отцом братьям Кузьминым. Вместе с тем, доподлинно утверждать последнее нельзя.

Очень важной информацией является полное имя и прозвище боярина Лукьяна: *Токарь Корелянин*. Здесь прозвище *Корелянин*, думается, не было постоянным, ибо больше нигде в писцовой книге боярин Лукьян так никогда не указывается. Можно думать, что писец однократно указал то прозвище бывшего Корельского кормленщика, которое указывало на занимаемую им до 1478 года должность. Во всяком случае, неревский боярин Лукьян Леонтьевич не являлся этническим карелом, поэтому это прозвище исключительно «профессиональное». Имя *Токарь/Такорь*[121] следует видеть мирским некрестильным именем боярина Лукьяна.

4. Дополнения к генеалогии неревлян Се(о)кириных

Родословие представителей самой старшей родовой ветки клана неревских бояр Мишинчей — потомков Ивана Васильевича Сокиры (ум. 1446), степенного посадника [1442], было изучено В. Л. Яниным[122] и дополнено мной[123]. Несмотря на попытку критики построений В. Л. Янина[124], к настоящему времени нет объективных причин отвергать его основную аргументацию. Вместе с тем необходимо внести в нашу схему (Схема 1) некоторые дополнения. Л. А. Бассалыго был прав, обнаружив в писцовых книгах представителей Секириных, которых не обнаружил ни В. Л. Янин, ни я, и верно связал их родством между собой.

Речь идет о родных братьях Григории, Федоре и Якове Семеновичей Секириных, а Семен является не известным из каких-либо источников сыном Ивана Сокиры. Также Л. А. Бассалыго предположил, по-видимому, верно, что еще один представитель семьи — Михаил Иванович Малый Секирин является также неизвестным из источников сыном Ивана Сокиры. По моему мнению, Михаила Малого следует, скорее, видеть сыном Ивана Ивановича Секирина, старого посадника [ок. 1459–1470-е гг.]. С учетом

[121] Эти варианты имени были одинаковы и взаимозаменяемы. См.: *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 386, 392. В научно-популярном справочнике для имен *Такорь/Токарь/Ток/Токмаш* предлагается объяснение в виде *токующий/стучащий/шумящий*. См.: *Баженова А.* Славян родные имена. М., 2006. С. 450. Действительно, такое значение существовало для глаголов *токать/токнуть* (можно добавить сюда значение *ударять палкой/сшибать кого-то*). См.: Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Сороколетов. М., 2011. Вып. 44. С. 175–176. В этом случае вряд ли следует думать, чтобы боярина Лукьяна нарекли таким именем при рождении. Скорее, такое прозвище могли дать человеку буйного нрава, нередко готового применить к кому-либо физическое воздействие. Если же считать это личным именем, данным при рождении, тогда надо видеть тот факт, что названием *токарь/токарик/токовик* назывались токующие птицы, а именно глухарь и тетерев. См.: Там же. С. 175.

[122] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 64.

[123] *Таланин В. И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 40.

[124] *Бассалыго Л. А.* Несколько сюжетов. С. 35–40.

этого следует скорректировать родословие Секириных (Схема 2).

Вместе с тем, как и в случае с Кречатниковыми, часть из которых была сведена, часть — стала своеземцами, а один член рода — новоиспомещенным помещиком, такая же ситуация, как представляется, имела место с Секиринами. По всей вероятности, не все их представители, т.е. не все члены клана Мишиничей, были подвергнуты репрессиям.

В Покровском Озерецком погосте Водской пятины был испомещен новый помещик — Григорий Васильев Секирин (ему были отданы владения староновгородских бояр Слузовых)[125]. В том же погосте часть изъятых владений Слузовых была дана новому помещику — Ивану Васильеву Секирину, но он в книге 1499/1500 года зафиксирован умершим, и его поместье отдано его сыновьям — Кошке и Занице[126]. В Спасском Заретцком погосте Водской пятины были испомещены новые помещики — Нечай Секирин[127] и Михаил Васильев Секирин[128].

Разумеется, можно постулировать, что эти Секирины — однофамильцы неревских бояр. Однако применительно к посл. четв. XV в. такого рода «однофамильцы» в одних и тех же землях — невероятное явление. Можно сказать с максимальной степенью достоверности, что неизвестный «Василий Секирин», отец всех трех братьев Секириных, не принадлежал к группе Селезневых, ибо последние были репрессированы целиком. В таком случае, если оперировать только оставшимися именами потомков Ивана Сокиры, искомого «Василия» нужно видеть его пятым сыном. Весьма любопытно, что среди новых помещиков Секириных Нечай указан без отчества. Здесь можно видеть банальную описку писца и счесть Нечая четвертым братом Васильевичем. Однако напрашивающейся здесь аналогией является самая простая: в имени «Нечай Секирин» отчеством является именно «Секирин», тогда Нечай — сын Ивана Сокиры. В таком случае Нечай — некрестильное, а Василий — крестильное имя одного и того же человека. Выше это было показано на примере Токаря-Лукьяна Леонтьевича. Ответ на вопрос, почему из пятерых сыновей Ивана Сокиры четверо с их потомством были репрессированы, а пятый — нет, нуждается в дополнительном изучении. В качестве наиболее парадоксального предположения можно допустить, что ответ на этот вопрос кроется в имени боярина Нечая. Хорошо известно, что такое имя получал ребенок, чье рождение не планировалось, было «неожиданным» и не совсем нужным. Отсюда вполне вероятно, что Нечай Иванович/Нечай Секирин, будучи младшим и, вероятно, нелюбимым сыном, не допускался к общесемейным делам и не имел крупных земельных владений. В такой ситуации для него естественным было бы перейти на сторону противника своих братьев, — т.е. на сторону Иоанна III, за что он и получил, по-видимому, свою награду, не только не будучи сведен, но и став новым помещиком.

[125] ПОКВП. С. 721.
[126] Там же. С. 723–724.
[127] Там же. С. 726.
[128] Там же. С. 745.

Схема 1.

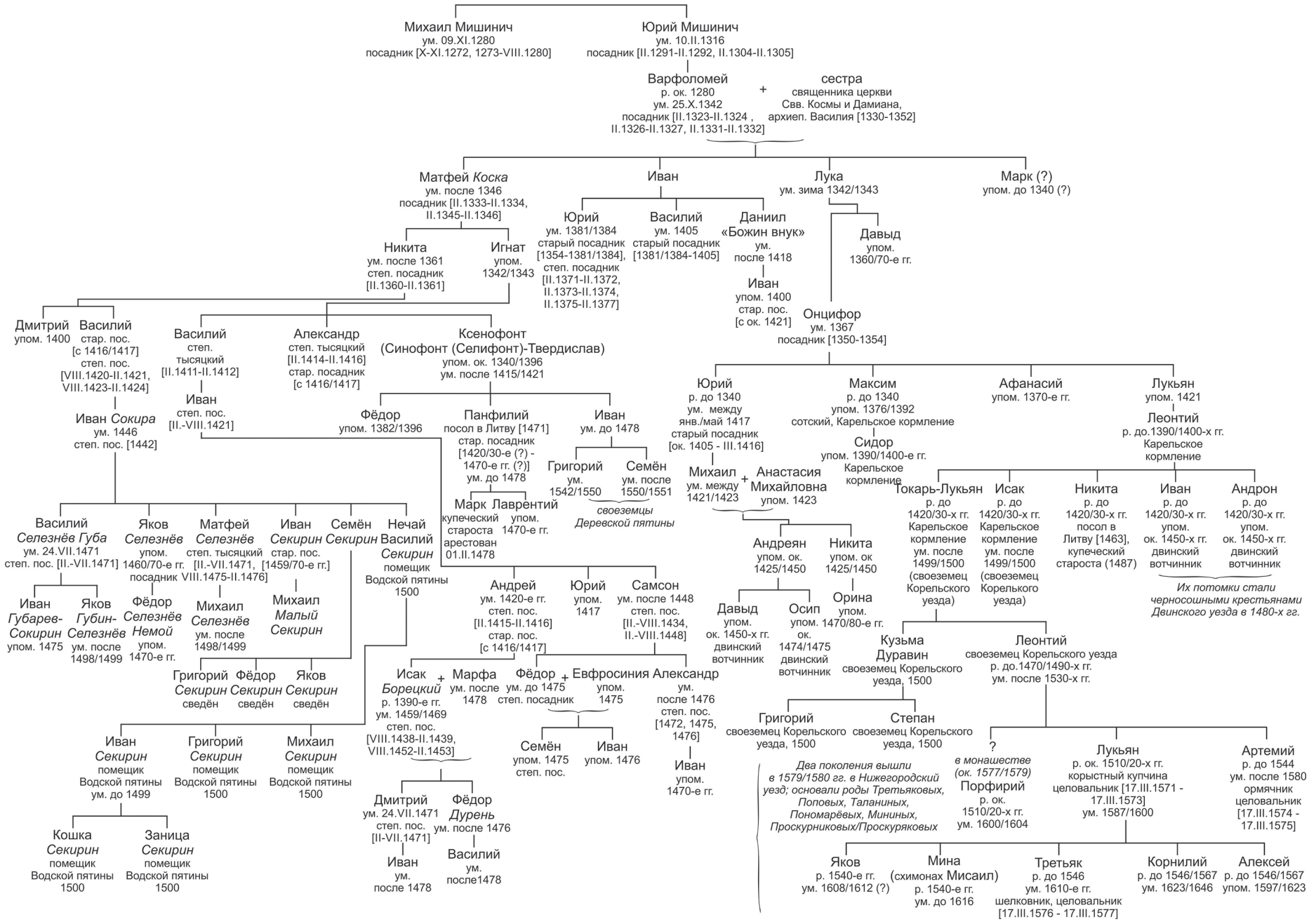
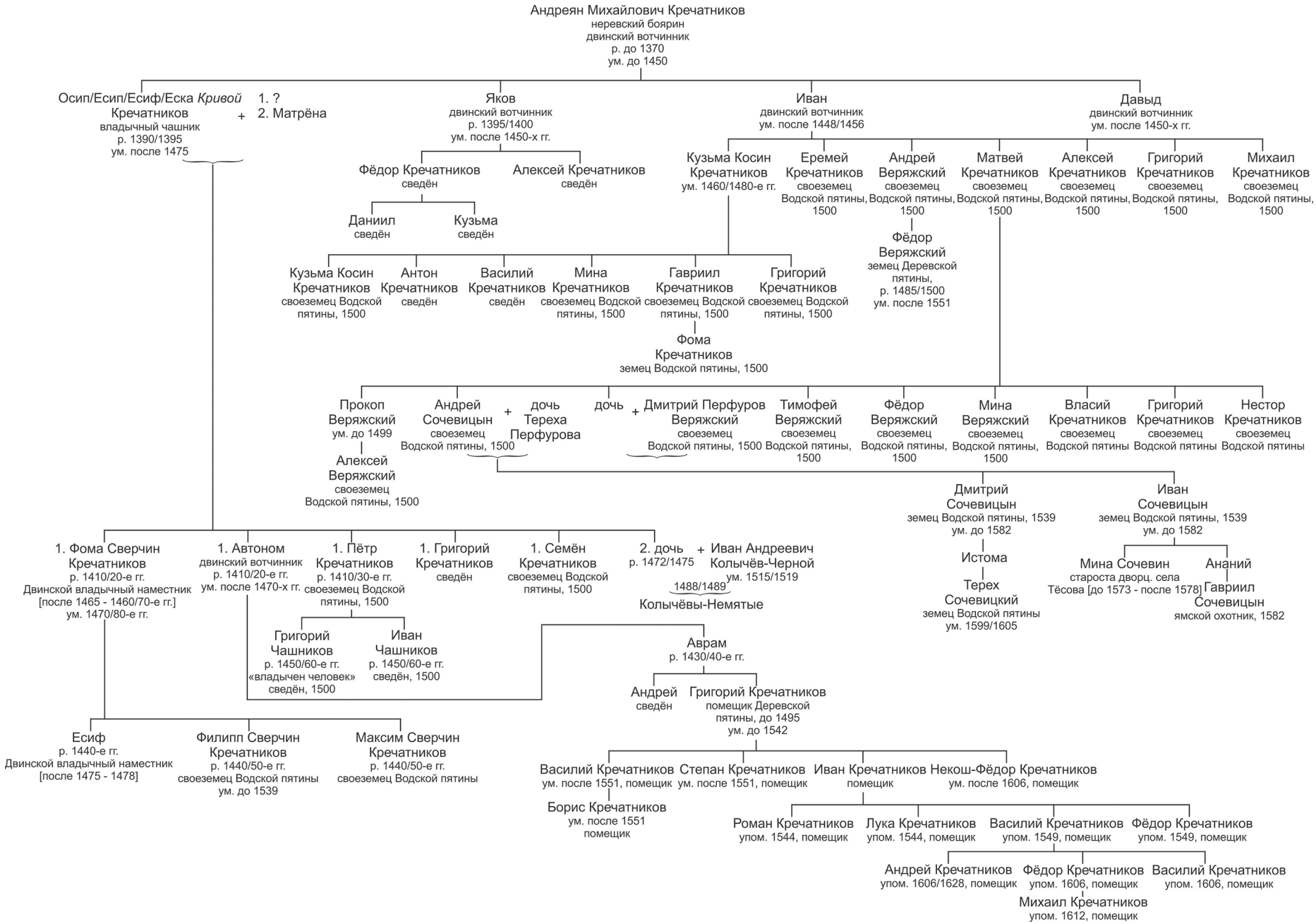

Михаил Мишинич
ум. 09.XI.1280
посадник [X-XI.1272, 1273-VIII.1280]
Юрий Мишинич
ум. 10.II.1316
посадник [II.1291-II.1292, II.1304-II.1305]
Варфоломей
р. ок. 1280
ум. 25.X.1342
посадник [II.1323-II.1324 , II.1326-II.1327, II.1331-II.1332]
+
сестра
священника церкви Свв. Космы и Дамиана, архиеп. Василия [1330-1352]
Матфей Коска
ум. после 1346
посадник [II.1333-II.1334, II.1345-II.1346]
Иван
Лука
ум. зима 1342/1343
Марк (?)
упом. до 1340 (?)
Никита
ум. после 1361
степ. посадник [II.1360-II.1361]
Игнат
упом. 1342/1343
Юрий
ум. 1381/1384
старый посадник [1354-1381/1384], степ. посадник [II.1371-II.1372, II.1373-II.1374, II.1375-II.1377]
Василий
ум. 1405
старый посадник [1381/1384-1405]
Даниил «Божин внук»
ум. после 1418
Давыд
упом. 1360/70-е гг.
Иван
упом. 1400
стар. пос. [с ок. 1421]
Онцифор
ум. 1367
посадник [1350-1354]
Дмитрий
упом. 1400
Василий
стар. пос. [с 1416/1417]
степ. пос. [VIII.1420-II.1421, VIII.1423-II.1424]
Василий
степ. тысяцкий [II.1411-II.1412]
Александр
степ. тысяцкий [II.1414-II.1416]
стар. посадник [с 1416/1417]
Ксенофонт (Синофонт (Селифонт)-Твердислав)
упом. ок. 1340/1396
ум. после 1415/1421
Иван
степ. пос. [II.-VIII.1421]
Иван Сокира
ум. 1446
степ. пос. [1442]
Фёдор
упом. 1382/1396
Панфилий
посол в Литву [1471]
стар. посадник [1420/30-е (?) - 1470-е гг. (?)]
ум. до 1478
Иван
ум. до 1478
Григорий
ум. 1542/1550
Семён
ум. после 1550/1551
своеземцы Деревской пятины
Марк
купеческий староста
арестован 01.II.1478
Лаврентий
упом. 1470-е гг.
Юрий
р. до 1340
ум. между янв./май 1417
старый посадник [ок. 1405 - III.1416]
Максим
р. до 1340
упом. 1376/1392
сотский, Карельское кормление
Сидор
упом. 1390/1400-е гг.
Карельское кормление
Афанасий
упом. 1370-е гг.
Лукьян
упом. 1421
Леонтий
р. до.1390/1400-х гг.
Карельское кормление
Михаил
ум. между 1421/1423
+
Анастасия Михайловна
упом. 1423
Василий Губа Селезнёв
ум. 24.VII.1471
степ. пос. [II.-VII.1471]
Яков Селезнёв
упом. 1460/70-е гг.
посадник
Матфей Селезнёв
степ. тысяцкий [II.-VII.1471, VIII.1475-II.1476]
Иван Секирин
стар. пос. [1459/70-е гг.]
Семён Секирин
Нечай Василий Секирин
помещик Водской пятины 1500
Андрей
ум. 1420-е гг.
степ. пос. [II.1415-II.1416]
стар. пос. [с 1416/1417]
Юрий
упом. 1417
Самсон
ум. после 1448
степ. пос. [II.-VIII.1434, II.-VIII.1448]
Андреян
упом. ок. 1425/1450
Никита
упом. ок 1425/1450
Токарь-Лукьян
р. до 1420/30-х гг.
Карельское кормление
ум. после 1499/1500 (своеземец Корельского уезда)
Исак
р. до 1420/30-х гг.
Карельское кормление
ум. после 1499/1500 (своеземец Корельского уезда)
Никита
р. до 1420/30-х гг.
посол в Литву [1463], купеческий староста (1487)
Иван
р. до 1420/30-х гг.
упом. ок. 1450-х гг.
двинский вотчинник
Андрон
р. до 1420/30-х гг.
упом. ок. 1450-х гг.
двинский вотчинник
Их потомки стали черносошными крестьянами Двинского уезда в 1480-х гг.
Давыд
упом. ок. 1450-х гг.
двинский вотчинник
Осип
упом. ок. 1474/1475
двинский вотчинник
Орина
упом. 1470/80-е гг.
Кузьма Дуравин
своеземец Корельского уезда, 1500
Леонтий
своеземец Корельского уезда
р. до.1470/1490-х гг.
ум. после 1530-х гг.
Иван Губарев-Сокирин
упом. 1475
Яков Губин-Селезнёв
ум. после 1498/1499
Фёдор Селезнёв Немой
упом. 1470-е гг.
Михаил Селезнёв
ум. после 1498/1499
Михаил Малый Секирин
Григорий Секирин
сведён
Фёдор Секирин
сведён
Яков Секирин
сведён
Исак Борецкий
+
Марфа
ум. после 1478
Фёдор
ум. до 1475
степ. посадник
+
Евфросиния
упом. 1475
Александр
ум. после 1476
степ. пос. [1472, 1475, 1476]
Иван
упом. 1470-е гг.
р. 1390-е гг.
ум. 1459/1469
степ. пос. [VIII.1438-II.1439, VIII.1452-II.1453]
Семён
упом. 1475
степ. пос.
Иван
упом. 1476
Григорий
своеземец Корельского уезда, 1500
Степан
своеземец Корельского уезда, 1500
Два поколения вышли в 1579/1580 гг. в Нижегородский уезд; основали роды Третьяковых, Поповых, Таланиных, Пономарёвых, Мининых, Проскурниковых/Проскуряковых
?
в монашестве (ок. 1577/1579)
Порфирий
р. ок. 1510/20-х гг.
ум. 1600/1604
Лукьян
р. ок. 1510/20-х гг.
корыстный купчина
целовальник [17.III.1571 - 17.III.1573]
ум. 1587/1600
Артемий
р. до 1544
ум. после 1580
ормячник
целовальник [17.III.1574 - 17.III.1575]
Иван Секирин
помещик Водской пятины
ум. до 1499
Григорий Секирин
помещик Водской пятины
1500
Михаил Секирин
помещик Водской пятины
1500
Кошка Секирин
помещик Водской пятины
1500
Заница Секирин
помещик Водской пятины
1500
Дмитрий
ум. 24.VII.1471
степ. пос. [II-VII.1471]
Фёдор Дурень
ум. после 1476
Иван
ум. после 1478
Василий
ум. после1478
Яков
р. 1540-е гг.
ум. 1608/1612 (?)
Мина
(схимонах Мисаил)
р. 1540-е гг.
ум. до 1616
Третьяк
р. до 1546
ум. 1610-е гг.
шелковник, целовальник [17.III.1576 - 17.III.1577]
Корнилий
р. до 1546/1567
ум. 1623/1646
Алексей
р. до 1546/1567
упом. 1597/1623

Схема 2.


Андреян Михайлович Кречатников
неревский боярин
двинский вотчинник
р. до 1370
ум. до 1450
Осип/Есип/Есиф/Еска *Кривой* Кречатников
владычный чашник
р. 1390/1395
ум. после 1475
1. ?
2. Матрёна
Яков
двинский вотчинник
р. 1395/1400
ум. после 1450-х гг.
Иван
двинский вотчинник
ум. после 1448/1456
Давыд
двинский вотчинник
ум. после 1450-х гг.
Фёдор Кречатников
сведён
Алексей Кречатников
сведён
Даниил
сведён
Кузьма
сведён
Кузьма Косин Кречатников
ум. 1460/1480-е гг.
Еремей Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Андрей Веряжский
своеземец Водской пятины, 1500
Матвей Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Алексей Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Григорий Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Михаил Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Фёдор Веряжский
земец Деревской пятины,
р. 1485/1500
ум. после 1551
Кузьма Косин Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Антон Кречатников
сведён
Василий Кречатников
сведён
Мина Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Гавриил Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Григорий Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
Фома Кречатников
земец Водской пятины, 1500
Прокоп Веряжский
ум. до 1499
Алексей Веряжский
своеземец Водской пятины, 1500
Андрей Сочевицын
своеземец Водской пятины, 1500
дочь Тереха Перфурова
дочь
Дмитрий Перфуров Веряжский
своеземец Водской пятины, 1500
Тимофей Веряжский
своеземец Водской пятины, 1500
Фёдор Веряжский
своеземец Водской пятины, 1500
Мина Веряжский
своеземец Водской пятины, 1500
Власий Кречатников
своеземец Водской пятины
Григорий Кречатников
своеземец Водской пятины
Нестор Кречатников
своеземец Водской пятины
Дмитрий Сочевицын
земец Водской пятины, 1539
ум. до 1582
Истома
Терех Сочевицкий
земец Водской пятины
ум. 1599/1605
Иван Сочевицын
земец Водской пятины, 1539
ум. до 1582
Мина Сочевин
староста дворц. села Тёсова [до 1573 - после 1578]
Ананий
Гавриил Сочевицын
ямской охотник, 1582
1. Фома Сверчин Кречатников
р. 1410/20-е гг.
Двинской владычный наместник [после 1465 - 1460/70-е гг.]
ум. 1470/80-е гг.
1. Автоном
двинский вотчинник
р. 1410/20-е гг.
ум. после 1470-х гг.
1. Пётр Кречатников
р. 1410/30-е гг.
своеземец Водской пятины, 1500
1. Григорий Кречатников
сведён
1. Семён Кречатников
своеземец Водской пятины, 1500
2. дочь
р. 1472/1475
Иван Андреевич Колычёв-Черной
ум. 1515/1519
1488/1489
Колычёвы-Немятые
Григорий Чашников
р. 1450/60-е гг.
«владычен человек»
сведён, 1500
Иван Чашников
р. 1450/60-е гг.
сведён, 1500
Аврам
р. 1430/40-е гг.
Андрей
сведён
Григорий Кречатников
помещик Деревской пятины, до 1495
ум. до 1542
Есиф
р. 1440-е гг.
Двинской владычный наместник [после 1475 - 1478]
Филипп Сверчин Кречатников
р. 1440/50-е гг.
своеземец Водской пятины
ум. до 1539
Максим Сверчин Кречатников
р. 1440/50-е гг.
своеземец Водской пятины
Василий Кречатников
ум. после 1551, помещик
Степан Кречатников
ум. после 1551, помещик
Иван Кречатников
помещик
Некош-Фёдор Кречатников
ум. после 1606, помещик
Борис Кречатников
ум. после 1551
помещик
Роман Кречатников
упом. 1544, помещик
Лука Кречатников
упом. 1544, помещик
Василий Кречатников
упом. 1549, помещик
Фёдор Кречатников
упом. 1549, помещик
Андрей Кречатников
упом. 1606/1628, помещик
Фёдор Кречатников
упом. 1606, помещик
Василий Кречатников
упом. 1606, помещик
Михаил Кречатников
упом. 1612, помещик

Библиография

Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986.

Баженова А. Славян родные имена. М., 2006.

Балыкина М. И. Нижегородские дворяне и дети боярские в 1638 году: «конность, людность и оружность» уездной служилой корпорации // Filo Ariadne. 2019. № 4.

Балыкина М. И. Список нижегородских дворян и детей боярских 1637 года, которым велено быть в Москве «для Государева земского дела» // Filo Ariadne. 2020. № 1.

Бассалыго Л. А. Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII–XV вв.» // Новгородский исторический сборник. 2010. № 10(20).

Бенцианов М. М. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV — середине XVI в. // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург, 2000.

Бенцианов М. М. «Из княженецких и из боярских дворов служилые люди»: послужильцы среди новгородских помещиков в конце XV — начале XVI в. // Новгородский исторический сборник. 2017. № 7(27).

Бенцианов М. М. Новгородские бояре — новгородские дети боярские: к вопросу о преемственности // Исследования по истории Восточной Европы. 2015. Вып. 8.

Боде-Колычев М. Л. Боярский род Колычевых. М., 1886.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1949.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Книги Бежецкой пятины, 1501, 1545, 1551, 1564 // Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6.

Лихачев Н. П. Родство Колычевых с новгородцами // Известия Русского генеалогического общества. 1900. Вып. 1.

Майков В. В. Писцовая книга Новгорода Великого конца XVI в. СПб., 1911.

Морошкин М. Славянский именослов. СПб., 1867.

Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Библиотека литературы древней Руси. Т. 7. СПб., 1999.

Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. 3.

Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г. Вторая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2.

Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г. Первая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. 1.

Переписная окладная книга по Новугороду Водской пятины 1500 года. Вторая половина // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 11.

Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12.

Переписные оброчные книги Шелонской пятины, 1498, 1539, 1552–1553 // Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. 4.

Писцовая книга Вотской пятины 1539 года / Сост. А. М. Гневушев. Вып. 1. Новгород, 1917.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6 / Сост. К. В. Баранов. М., 2009.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886.

Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Селин А. А. К исторической географии Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. 1998. Вып. 12.

Селин А. А. Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9(19).

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001.

Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Сороколетов. М., 2011. Вып. 44.

Таланин В. И. Древнерусская доваряжская аристократия X–XVI вв. и е потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

Таланин В. И. «Ижорские бояре»: к вопросу об интерпретации // Novogardia. 2020. № 1.

Таланин В. И. Институт Корельского кормления в Новгородскую эпоху // Novogardia. 2019. № 2.

Таланин В. И. Родовая корельская знать в XIII–XV веках и ее потомки в Центральной России // Novogardia. 2019. № 1.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 1903.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.

Чеченков П. В. Древнейший перечень фамилий нижегородского дворянства 1581 года // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. 2014. Вып. 3.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1990.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Сведения об авторе

Таланин Виталий Игоревич, кандидат физико-математических наук, профессор, г. Запорожье (Украина). Область научных интересов: генеалогия отдельных фамилий и родов, история средневековой Руси.

E-mail: v.i.talanin@mail.ru

V. I. Talanin

GENEALOGY OF NOVGOROD NEREVSKY BOYARS: NEW DISCOVERIES

Annotation. The genealogy of old Novgorod boyars Sekirins was clarified, and it was shown that the new landowners Sekirins came from the boyars Sekirins. The genealogy of the descendants of the last Korelsky feedman Lukyan Leontyevich was clarified.

For the first time, the general genealogy of the Krechatnikovs, Sverchins, Veryazhskys, Sochvitsyns, Chashnikovs was created. It is shown that all these surnames come from the old Novgorod's nerevsky boyar Andreyan Mikhailovich. It is shown that the landowners of the Derevskaya Pyatina Krechatnikovs come from the same genus.

Keywords. Novgorod boyars, svoezemtsy, genealogy.

References

Andreev V. F. Novgorodskij chastnyj akt XII–XV vv. [Novgorod private act of the XII–XV centuries] L., 1986. (In Russian).

Bazhenova A. Slavyan rodnye imena [Slavs' native names]. M., 2006. (In Russian).

Balykina M. I. Nizhegorodskie dvoryane i deti boyarskie v 1638 godu: «konnost', luydnost' i oruzhnost'» uezdnoj sluzhiloj korporatsii [Nizhny Novgorod's nobles and children of the boyars in 1638: "equestrianism, humanity and armament" by the county service corporation] // Filo Ariadne. 2019. № 4. (In Russian).

Balykina M. I. Spisok nizhegorodskih dvoryan i detej boyarskich 1637 goda, kotorym veleno byt' v Moskve «dlya Gosudareva zemskogo dela» [The list of Nizhny Novgorod nobles and children of the boyars of 1637, who were ordered to be in Moscow "for the sovereign of the Zemstvo affair"] // Filo Ariadne. 2020. № 1. (In Russian).

Bassalygo L. A. Neskol'ko suzhetov is knigi V. L. Yanina "Novgorodskie acty XII–XV vekov" [Several plots from the book of V. L. Yanin "Novgorod Acts of the XII–XV centuries"] // Novgorodskij istoricheskij sbornik. 2010. № 10(20). (In Russian).

Bencianov M. M. Deti boyarskie «naugorodskie pomeshchiki»: novgorodskaya sluzhilaya korporatsiya v kontse XV — seredine XVI vv. [Knights "Novgorodskie landlords": the serving corporation in Novgorod in the late XV — mid-XVI centuries] // Problemy istorii Rossii. Vyp. 3. Ekaterinburg, 2000. (In Russian).

Bentsianov M. M. "Is knyazhenetskych i is boyarskich dvorov sluzhilye ludi": posluzhil'tsy sredi novgorodskich pomeshchikov v kontse XV — nachale XVI v. ["Servicemen from the princes' and boyars' yards": servants among the Novgorod landowners at the end of the XV — beginning of the XVI century] // Novgorodskij istoricheskij sbornik. 2017. № 7(27). (In Russian).

Bentsianov M. M. Novgorodskye boyare — novgorodskye deti boyarskye: k voprosu o preemstvennosti [Novgorod boyars — Novgorod boyar children: on the issue of continuity] // Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy. 2015. Issue 8. (In Russian).

Bode-Kolychev M. L. Boyarskiy rod Kolychevykh [Boyar clan Kolychevs]. M., 1886. (In Russian).

Vladimirsky-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don, 1995. (In Russian).

Veselovsky S. B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. [Clerks and scribes of XV–XVII centuries]. M., 1975. (In Russian).

Veselovsky S. B. Isslodovanya po istorii oprichniny [Research on the history of the oprichnina]. M., 1963. (In Russian).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Documents of Velikiy Novgorod and Pskov] / Ed. S. N. Valk. M.; L., 1949. (In Russian).

Zimin A. A. Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV — pervoj treti XVI v. [The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV — the first third of the XVI century.] M., 1988. (In Russian).

Knigi Bezhetskoj pyatiny, 1501, 1545, 1551, 1564 [Books of Bezhetskaya pyatina 1501, 1545, 1551, 1564] // Novgorodskie pistsovye knigi. SPb., Vol. 6. (In Russian).

Lihachyov N. P. Rodstvo Kolychevykh s novgorodtsami [Kolychev's relationship with Novgorodians] // Izv. Russkogo genealogicheskogo obshchestva. 1900. Vyp. 1. (In Russian).

Maykov V. V. Pistsovaya kniga Novgoroda Velikogo kontsa XVI v. [The scribal book of Novgorod the Great at the end of the 16th century] SPb., 1911. (In Russian).

Moroshkin M. Slavyanskij imenoslov [Slavic name-book]. Spb., 1867. (In Russian).

Moskovskaya povest' o pokhode Ivana III Vasil'evicha na Novgorod [The Moscow story of the campaign of Ivan III Vasilyevich to Novgorod] // Biblioteka literatury drevnej Rusi. Vol. 7. SPb., 1999. (In Russian).

Perepisnaya obrochnaya kniga Vodskoj pyatiny 1500 goda. Pervaya polovina [Quit-rent census book on Novgorod of the Vodskaya Pyatina of 1500] // Novgorodskie Pistsovye Knigi. SPb., 1868. Vol. 3. (In Russian).

Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoj pyatiny, 1495. Vtoraya polovina [Quit-rent census book on Novgorod of the Derevskaya Pyatina of 1495] // Novgorodskie pistsovye knigi. SPb., 1862. Vol. 2. (In Russian).

Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoj pyatiny, 1495. Pervaya polovina [Quit-rent census book on Novgorod of the Derevskaya Pyatina of 1495] // Novgorodskie pistsovye knigi. SPb., 1859. Vol. 1. (In Russian).

Perepisnaya obrochnaya kniga Vodskoj pyatiny 1500 goda. Vtoraya polovina [Quit-rent census book of Vodskaya Pyatina of 1500. The second half]. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1851. Book 11. (In Russian).

Perepisnaya Okladnaya kniga po Novgorodu Vodskoj pyatiny Korel'skogo gorodka s uezdom 1500 goda [The census Salary book on Novgorod of the vodskaya Pyatina of the Korean town with the County of 1500] // Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1852. Book 12. (In Russian).

Perepisnye obrochnye knigi Schelonskoj pyatiny, 1498, 1539, 1552–1553 [Quit-rent census book of Vodskaya Pyatina of 1498, 1539, 1552–1553] // Novgorodskie pistsovye knigi. SPb., 1886. V. 4. (In Russian).

Pistsovaya kniga Vodskoj pyatiny 1539 goda [Scribe books of Vodskaya pyatina 1539] / Comp.: A. M. Gnevyschev. Issue. 1. Novgorod, 1917. (In Russian).

Pistsovye knigi Novgorodskoj zemli. Vol. 4 [Scribes books of Novgorod land] / Comp.: K. V. Baranov. M., 2004. (In Russian).

Pistsovye knigi Novgorodskoj zemli. Vol. 5 [Scribes books of Novgorod land] / Comp.: K. V. Baranov. M., 2004. (In Russian).

Pistsovye knigi Novgorodskoj zemli. Vol. 6 [Scribes books of Novgorod land] / Comp.: K. V. Baranov. M., 2009. (In Russian).

Rummel V. V., Golubtsov V. V. Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskich familij [Family genealogy of Russian noble families]. Vol. 1. SPb., 1886. (In Russian).

Selin A. A. Istoricheskaya geografiya Novgorodskoj zemli v XVI–XVIII vv. Novgorodskij i Ladozhskij uezdy Vodskoj pyatiny [The historical geography of Novgorod land in the XVI–XVIII centuries. Novgorod and Ladoga counties of Vodskaya pyatina]. SPb., 2003. (In Russian).

Selin A. A. K istoricheskoj geografii Vodskoj pyatiny [To the historical geography of Vodskaya Pyatina] // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. 1998. Issue 12. (In Russian).

Selin A. A. Sud'by novgorodskih svoezemtsev v XVI–XVII vv.: zametki po istorii sudeb potomkov zemlevladel'tsev respublikanskogo perioda [The Fate of Novgorod's countymen in XVI–XVII centuries: notes on the history of the fate of the descendants of the landowners of the Republican period] // Novgorodskij istoricheskij sbornik. 2003. Issue. 9 (19). (In Russian).

Skrynnikov R. G. Ivan Groznyj [Ivan Groznyj]. M., 2001. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects] / Ed. F. P. Sorokoletov. M., 2011. Issue 44. (In Russian).

Talanin V. I. Drevnerusskaya dovaryazhskaya aristokratiya X–XVI vv. i ee potomki: genealogicheskoe issledovanie [Old Russian pre-Varyag aristocracy of the X–XVI centuries and its descendants: genealogical research]. Zaporozhye, 2015. (In Russian).

Talanin V. I. «Izhorskye boyare»: k voprosy ob interpretatsii ["Izhora Boyars": on the issue of interpretation] // Novogardia. 2020. № 1. (In Russian).

Talanin V. I. Institut Korel'skogo kormleniya v Novgorodskyu epochu [Institute of Korel feeding in the Novgorod era] // Novogardia. 2019. № 2. (In Russian).

Talanin V. I. Rodovaya Korel'skaya znat' v XIII–XV vekakh i ee potomki Tsentral'noj Rossii [Korelian nobility in XIII–XV centuries and its descendants in Central Russia] // Novogardia. 2019. № 1. (In Russian).

Tupikov N. M. Slovar' drevnerusskykh lichnykh sobstvennykh imen [Dictionary of Old Russian Personal Names]. M., 1903. (In Russian).

Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. M., 1987. Vol. 3. (In Russian).

Chechenkov P. V. Drevneyshyj perechen' familij nizhegorodskogo dvoryanstva 1581 goda [The oldest list of surnames of the Nizhny Novgorod nobility of 1581] // Edinorog. Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy epokhi Srednykh vekov i Rannego Novogo vremeni. 2014. Issue 3. (In Russian).

Yushkov S. V. Obshchestvenno-politicheskii stroj i pravo Kievskogo gosudarstva [Social and political system and law of the Kiev state]. M., 1949. (In Russian).

Yanin V. L. Aktovye pechati drevnej Rusi [Assembly seals of ancient Russia]. M., 1970. Vol. 2. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskaya feodal'naya votchina (istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [The Novgorod feudal chiefdom (historical and genealogical research)]. M., 1981. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskij kommentarij [The Novgorod acts of the XII–XV centuries. A Chronological review]. M., 1990. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [The Novgorod posadniks]. M., 2003. (In Russian).

About the author

Talanin Vitalij I., PhD of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Zaporozhye (Ukraine).

E-mail: v.i.talanin@mail.ru